

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Června 1933. — **Volné Kozáctvo** — Ročník VI.

130

10-го июня 1933 г.

10-го червня 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Ив. Назаров: (Verše).
 2. И. К. Скубани: (Verše).
 3. С. Туверов: Сын Дона. (Syn Dona).
 4. Борис Кундрюцков: Лазарь Тимофеев. (Verše).
-
5. И. Билый: Вольным казакам (Volným kozákům).
 6. Трагедия Казачества (Tragedie kozáctva).
 7. А. Ленивов: Донские калмыки (Donští kalmýci).
 8. Д-р. Хара-Даван: Создание наций. (Povstání nací).
 9. Ш. Балинов: Ловкачи и комбинаторы. (Ramenáři).
 10. Иван Будяк: На темы дня. (Na thema dne).
 11. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 12. Турчанинов: Впечатление — большое! (Velkej dojem)
 13. Юбилейное собрание Прометея. Банкет Прометея. (Jubilejní schůze a hostina „Prometeje“).
 14. С. Савицкий: I моїх кілька слів п. М. Підгірному (I mojich nekolik slov p. Pidhirnému).
 13. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 14. В Казакии. (V Kozácku).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Берлин. — Г. К. — Ответ будет. Привет.
Румыния. — И. К. — Получено. Ответ — позже письмом. Привет.
Бийанкур. — Д. А. — Получено. Привет.
Бразилия. — С. С. — Одержали. Вітаємо.
Чикаго. — А. Ю. — Письмо и статья Получены. Будет напечатана. Долл. еще не получены. Привет.

М.-Острава. — Е. Т. — Между Парагваем и Боливией война продолжается. Вряд ли целесообразно выезжать туда сейчас.

Париж. — И. Е. — Получено. Привет.
Царьград. — М. З. — Дякуємо за надіслане. Вітаємо.
Братислава. — „Просвіта“. — Добре — надішлемо.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Н. М. Дмитренко — Београд.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. UGINE.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

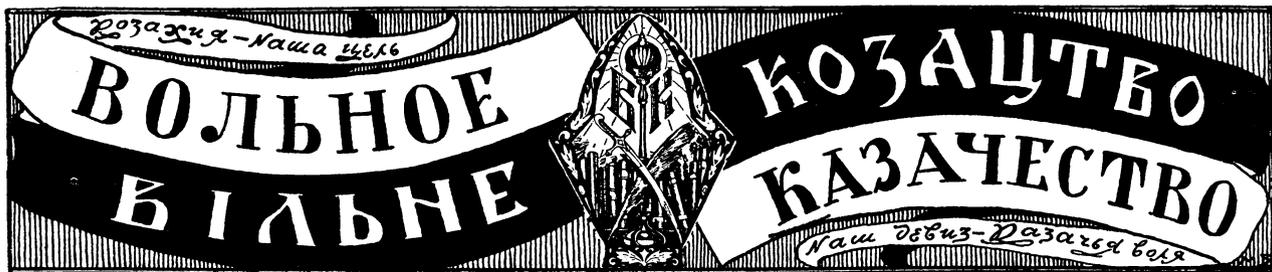
С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 130

Суббота, 10 июня, 1933 = Субота, 10 червня, 1933.

№ 130

И. М. Назаров. (Югославия).

* * *

Я вижу дальний край: течет река долиной
И виноградный склон у берега, и мгла...
Я вижу взлет орлов над мертвою равниной
И вижу — падают, как камни, их тела.
Борьба орлов, борьба безумно смелых,
Взлетающих и гибнущих в тиши.
А степь молчит в просторах опустелых
И спит народ в тюрьме своей души.
А где же он? Где гордый дух народа,
Родивший Разина с безумною душой?
Где Булавинская без удержу свобода
И Пугачевский зов идти своей стезей?
Где Каледин, одним порывом смелым
Взметнувший к воле свой народ?
Где Атаман, погибший под расстрелом,
Как жертва на костре отчизны и свобод?
И генерал его, уведший рать в поход
По ледяным степям к боям и новой славе?
И тот, кто окружен в железном их кольце,
Как лев, прорвал их строй и первый виден в лаве
На окровавленном буланом жеребце?
Где их народ? Иль, окруженный цепью,
Он спит еще, а кровь течет кругом,
И злобный враг владеет нашей степью,
И вымирает жизнь, и всюду их Содом?..
Чего он ждет? Иль снова не родится
Другой Степан с железною душой,
Чтоб на стругах по Волге прокатиться
И стать грозой под старою Москвой?
Но нет его... И черные витают
Над степью ужасы в тумане серой мглы...
И одиночные орлы над ней взлетают —
И камнем падают... безумные орлы!

И. К. Скубани. (Румыния).

РОДНЫЕ ПРИЗЫВЫ.

*Посвящается бойцам
за свободу Кубани.*

В зимнюю ночь, когда ветер жестокий
Стонет и рвет, как в плену богатырь,
Мне представляется Край мой далекий,
Милой Кубани лазурная ширь...

Белою тенью Кавказские горы
В гордом величьи встают предо мной, —
Снежным хребтом отражаются в море,
Будто живые качаясь с волной.

Слышатся в сумраке, ясно до боли,
Крики победные, шопот мольбы,
В звуках смешалось: томленье неволи,
Радость свободы и ужас борьбы...

То — за незыблемость старых традиций,
Мечь воздая за павших друзей,
Взявшись за ружья, казацки станицы
Вызвали к бою своих палачей.

Выпивши горькую чашу страданья,
С дерзкой отвагой, защитники гор,
Сбросив позорную маску молчанья,
С подлым врагом повели „разговор“.

Встали то рыцари славного Края,
Смело презревшие рабство и гнет,
И от Кавказа к отрогам Алтая
Ветер к восстанью призыв их несет...

Жадно ловлю я родные призывы,
Сердце с надеждою бьется в груди...
Боже, да сбудется суд справедливый,
Правых рукою Твоей огради!..

С. Туроверов.

Сын Дона.

(Булавин).

Историческая драма из казачьей жизни в четырех действиях.

Действующие лица:

1. Кандратий Булавин (Атаман).
2. Галина — дочь его.
3. Степан Некрасов (Атаман).
4. Старшина.
5. Писарь.
6. Князь Долгорукий.
7. Атаман Вешек.
8. Груня.
9. Андрей.
10. Безрубашкин.
11. Баба.
12. Корчмар.
13. Первый казак.
14. Второй казак.
15. Третий казак.
16. Старшины. казаки, гонцы, стрельцы.

1. ДЕЙСТВИЕ.

Действие происходит в городке, вблизи соляных промыслов города Бахмута. В курене Атамана Булавина. На стенах ружья, сабли, турецкие пистолеты.

Явление I.

(Галина и Груня готовят стол).

Галина: Груня, принеси каймаку к чаю... Старшина чай без каймаку пить не будет. (Груня уходит. Пауза. Груня вернулася). Ах, какой он смешной!.. А ум, ты знаешь, он первый казак по уму и, говорят, в бою очень храбрый.

Груня: Да уж о ево храбрости пронеслося по всему Дону, даже и турки... и те знают... Мне рассказывал мой-то, Андрей, он же по басурмански маракует, ну знать у пленных выведал, попытался. Сказывают: што если против них Степан, то ничиво они не могут поделать. Да оно, правду сказать, и старшина не пропустит нехриста, не снявши ему головы, но не то, что Степан... А весною то на празднике, между казачками только и разговору — Степан такой-то, Степан эгакий-то... Ух, страсть какой боевой!.. (Галина волнуется). Да у тебя чиво личико-то переменялось, душно ли, али головка разболелась?

Галина: Груня!..

Груня: Понимаю... понимаю, поранил твое сердце смелостью, ослепил своею красотю черные очушки (Галина улыбается). Но не бойся, он тебя не бросит. Он любит тебя крепко. И никому другому не даст. Он и драться за тебя готов. Рука золотая, промаха ни в чем не делает. Ох, дождусь ли я того часа, когда Бог вас соединит на веки?

Галина: Часто и я задумываюсь... мне кажется... что-то случится... Мне кажется, что Степан в один момент улетит от меня и не вернется никогда... А ты правду сказала, что он меня только любит?

Груня: Он мне хоть не исповедался, но я знаю, што другой у него нету и другой он не хочет. Твою розычку, которую ты ему подарила, засушил и носить у себя на груди... старшина сказывал...

Галина: Степан бережет ее до сего времени?!

Груня: Несит... Только вот боюсь, как бы его не убили. Уже казаки говорят, что он попадает в большие опасности (крестится). Дай Бог ему вернуться к нам живым и здоровым!

Галина: его Бог... Однако, мы заговорились... Заваривай чай.

Явление II.

(Те же и Андрей).

Андрей: (входит) Молодой красавице Дона, дочери славного Атамана Кандратия Булавина жить и здравствовать многие лета!

Галина: Здравствуй, здравствуй Андрей! Что скажешь?!

Андрей: Атаман просить Вас к себе по важному делу... (Галина уходит).

Груня: Ну, а ты чеве же его дьяволов сын только Галине здравствовать желаешь, а мене так не нужно... А чем я не казачка?! Мой дед старшиною в Черкасске был, да и Атаманом малость. Значить, когда я одна, так тоды ты меня уважаешь?! Ты будь казаком. Уважай повсегда, коли уважаешь...

Андрей: (хочет оправдаться) Груня... Грунюшка...

Груня: (перебивая) Уйди! уйди, акаянный сын. Давно замечаю, что ты мало меня любишь... Ты погляди-ка на других. У походы ходять, оттуда подарочки своим женушкам приносят, а ты забрался у атаманский курень и думаешь усе хорошо... Нет не усе в порядке...

Андрей: Какой же ты подарок хочишь, ну говори, проси чиво хочишь?!

Груня: Подарочек ты приподнесешь?! да у тебе одни штаны да зипун, и другого ничиво нету... Ты хоть бы любил крепче, да не забывал.

Андрей: Ух, эти бабы! Не угодишь! Не даром говорятся — не казачье дело с женою возигься... Вот пока был безе жены, так везде: добро пожаловать, а как женился, все на тебе чертом глядят. Случится куды поехать — хорошее место найдешь и красавица под боком, только как узнает, што ты его, значит, женат, так и выгонит...

Груня: Падумаешь?! Красавиц какой! Нашлась одна дурная баба, вышла за него замуж, а он пойдит ешо и не доволен...

Явление III.

(Те же, Булавин, Галя, Старшины).

Булавин: Ну, теперь выльем чайку и продолжим наш разговор. А вы (обращаясь к Андрею и Груне) — идите. (Груня бросается к Андрею и тащит его за руку. Галина начинает разливать чай. Булавин и старшина садятся).

Старшина: Галя, мне прошу налить чашку до краев.

Галина: Хорошо... извольте...

Старшина: Вы наверно знаете, что если чашка чайная не доливаешь до краев, то с впалыми глазами жену себе возьмешь. А я хочу, чтобы они навывкате были... А каймачек есть?

Галина: А как же! Для вас Груня целую чашку принесла. (Старшина кушает каймак).

Старшина: Каймак хороший... Признаться откровенно, я уважаю каймак. Один раз даже обелся. Галя и Булавин: (смеются) Ха, ха, ха. Ну и что же?

Старшина: Три дня живот болел. Пробрало здорово! Вот после того случая я теперь ем каймак в меру...

Булавин: Ты как-то обещал рассказать про поход Ивана Сидорова против татар, так уж сделай одолжение, расскажи о нем ночью, кстати и Галя послушает. Она у меня любит про казачьи походы слушать. (Гладит Галину).

Галина: Да, да... занимает меня это. Расскажите, старшина, расскажите...

Старшина: Если вам желательно узнать истину похода Ив. Сидорова, то я готов и рассказать... Это было раннею весною, когда я получил из Раздорского городка весть о том, что татары намериваются напасть на казачьи хутора. Я известил свой городок, чтобы на сигнальных постах были бдительнее. Прошел целый месяц, а татары не появлялись. Казаки между собою начали поговаривать о том, что татары не придут и что надо на татар напасть.

Галина: Ешьте, ешьте каймачек.

Старшина: (берет каймак). Такое настроение было у всех казаков. Атаман Иван Сидоров первый ре-

шил сделать набег на татар и разослал пять гонцов, к пяти атаманам просить о помощи в набеге. Прискакал гонец и ко мне, совзвал я казаков и сказал, в чем дело. Решили атаману Сидорову помощь дать. Собрав годных казаков, двинулся я в Раздоры. Атаманом выбрали Ивана Сидорова, а меня старшиною, помолились Богу и в поход. На третий день мы врезались в главный татарский стан, разгромили, как никогда, легко, забрав скот и лошадей и двинулись на Дон. Иван Сидоров с своими шел впереди. Вдруг перед ними показались конники. Они летели навстречу. Стало видно, что это были наши. На взмыленных конях остановились перед нами. Оказываеяся, что татары другой орды напали на наши станицы.

Г а л и н а : Еще каймачку?

С т а р ш и н а : Благодарствую, люблю кушать и рассказывать... На постах были зажжены пучки и в городок собрались от мала до велика, все кто мог сидеть на коню и держать пику. Собрались все в Раздорах казаки и казачки, выбрали себе старшину Ивана Лазарева в Атаманы и пошли в поход. В первом же бою татары были разбиты. Казачки рядом с казаками рубили и кололи так же метко, как и казаки. Славно поколотили на двух встречах татар!.. Особенно казачки не ударили лицом в грязь, так что и теперь татары, которые попадают в плен, больше боятся баб, нежели нас. (Галина убирает стол).

Г а л и н а : Ну, положим, говорите неправду. Всегда боялись казаков. Одно могу сказать, что они тоже хорошие наездники, которым могут позавидовать петровские кавалеристы.

Б у л а в и н : Тебе петровские кавалеристы не нравятся? — А по моему, они хорошие конники, сидя на заборе. Ха, ха, ха. (Смеются все). В Воронеже я видел, как их учат. Кричат на них, ругают и даже бьют, а они стоят и лишь ворчат: постараясь!.. Теперь уж не то, что при старом царе. Только пользы мало, не могут! Не то, что наш казак. Не дойти им. Казак с малых лет на коне скачет, шашкой начинает работать, как только станет поднимать ее, а пикой как только вразумет для чего она употребляется. Нашего ударишь нелзя. (Пауза). Но за то пехота боевая. Сам Петр с ружьем в руках учит... Корабли тоже сам делает, как простой рабочий. Когда я в Воронеже от Круга ездил, то он все равно как простым рабочим был. Спрашиваю у одного рабочего: где царь, а мне говорит: „Пройди дальше, там увидишь“. Подхожу к другому, высокому рабочему, без шапки, рукава засучены выше локтей, спрашиваю. А он мне отвечает, что он и есть царь. Я не поверил; грамоту ему не дал. Тогда он оставил работу, пошел оделся и тут то я убедился, что он царь. Между прочим он спросил у меня, „как казаки любят царя?“ Говорю правду, что не все, а так же добавил, что казаки воинственный народ, казаков не обижайте, они вам еще помогут.. Да казаки и помогли Петру... Они пришли в самый нужный момент под Азов, где русские второй раз должны были потерпеть неудачу. Турки высадились с юговосточной стороны, где большой шлях, три больших армии, которые должны были ударить петровским войскам в тыл. Казаки знали о приходе турок и о месте высадки. Явились туда, напали по отдельности на каждую армию, разгромили и уничтожили всех. Поведя потом осаду одновременно с суши и моря, взяли Азов. В Азове остались потом петровские стрельцы, а казаки вернулись на Дон. После этого турки, мне кажется, больше не будут пробовать брать Азов...

Г а л и н а : А далеко ли Москва?

Б у л а в и н : Далеко, дочка. Сказывал раньше мне мой покойный отец, Господи прости его душу грешную, возил он грамоту в Москву к царю. Один месяц туда и столько же назад. Хороший путь!..

Г а л и н а : А какой город Москва? Похож ли на наш городок?

Б у л а в и н : Нет... куда там!.. Далеко нашему городку до Москвы. Там дома, а не курени. А церквей то, Бог знает сколько... хоромы царские. Стены не такие как у нас. Ров шире. И вокруг река течет, которая Москвой называется.

Явление IV.

(Те же и Андрей).

А н д р е й : Атаман Вешек желает здравия атаману Булавину и по важному делу говорить желает.

Б у л а в и н : Атаман Вешек? В такое время... Вели. (Андрей уходит). (К старшине). Сейчас ты увидишь моего верного старого друга. Много раз он выручал меня из беды, в бою и в жизни вообще. Хотя я и не оставался в долгу (Молчание)... Эх! было время, когда при появлении нашем на границе Турции, султан в гареме ханюмок всех в одну комнату запирает, от страха стражу усиливал и всех христиан мучить и пытать пуце прежнего повелевал.

Явление V.

(Те же и атаман Вешек).

А т . В е ш е к : Славному Атаману верхнего Дона здравия желаю!

Б у л а в и н : Рад видеть, будь гостем... Ну, подойди обвинимся... Это мой старшина... Ну, что нового в твоём городке?... казаки с стрельцами ладят?..

А т . В е ш е к : Не все в порядке... Позволь, Кандратий, с начала до конца рассказать так, как оно было и как велено было на Круге сказать. (Молчание)... Собрались мы в неделю святую на Круг поговорить да посоветоваться, да у кого какая беда высказаться. Долго шли речи о хозяйствах...

Б у л а в и н : (Перебивая). За меня говорили?

А т . В е ш е к : Тебе, Атаман, казаки обещали верою и правдою служить, и уважают очень... Только вот что: Из городка бабу Петра Васильева стрельцы силою к себе хотели увести...

В с е : Как?! Что!.. А казаки?

А т . В е ш е к : Как тебе уже сказал. Были мы в курене. Смотрим, по улице казачка на коне несется прямо к нам. Растревоженная, с лица и рук кровь течет, кричит — значит — возмущается. По ее рассказу выяснилось, что когда она выгоняла на пастбище коров, то на нее напали пять человек...

Б у л а в и н : Ну... ну... и дальше...

А т . В е ш е к : Да. Стрельцы наших баб обижают... Хотели и ее утащить, только баба она боевая, смелая, защищаться стала, одному в ухо, другому в нос, третьему в зубы. Вестимое дело, мужчины сильнее, поймали за руки, только в это время подросток Петра кобылицу обезживал и, увидав это, на помощь к ней поскакал. И видно устыдились постороннего, пустили бабу. А если бы не Петро, пропала бы баба!.. Рассказывала со слезами на глазах все это и просила поучить стрельцов... (Пауза). Мы решили сами ничего не предпринимать, а обратиться к тебе. Круг Атаману Верхнего Дона желает здравствовать много лет (кланяется).

Б у л а в и н : Спасибо.

А т . В е ш е к : Просили грамоту царю написать и в грамоте указать, что мы, казаки, не против него, но если вы наших жен и нас обижать будете — разгневаемся... Да виновников чтоб проучил, а если царь на это внимание не обратит, то мы сами проучим! Стрельцов то мы задержали.

Б у л а в и н : Чувствует мое сердце — не доброе начинается. Быть, чему быть!.. Грамоту напишу. Казаков вооружу и если что, то берегись Петр! (В дверь) Андрей! позови писаря.

А н д р е й : (Из за двери). Позову сейчас.

Б у л а в и н : (К старшине) А ты придумай грамоту к атаману Максиму в Черкасск и запроси, чтобы он предпринял, если бы у них стрельцы вольную жизнь стали поирать и баб насиловать.

Явление VI.

(Вскакивает гонец).

Б у л а в и н : Ты откуда?

Г о н е ц : Позволь, Атаман, рассказать то, живо види эти очи (Показывает на глаза).

Б у л а в и н : Рассказывай...

Г о н е ц : Петровцев этих, пять то, коих мы живыми забрали, воевода то с целым войском пришел и взял.

Б у л а в и н : (Грозно). А казаки?!

Г о н е ц : Казаки хотели не дать. Но, знать, по-

том пораздумали, боялись што бы Вы не разгневались и пустили. Да кроме етого, нас поносили, укоротить собираются.

Булавин: Твои вести не веселые.

Голец: Войвода, который был с ними, сказывае- ля Долгоруковым, сам пообещал к вам, Атаману, при- быть.

Булавин: Видел я и самого Петра... управлюсь... Говори, что нового и что видел по Дону.

Голец: Ничего больше, окромя стрельцов.

Булавин: Поди... (Голец уходит).

Явление VII.

(Булавин, старшина, ат. Вешек и писарь).

Писарь: (входит) Атаманам и старшинам честь и здравия желаю. Изволили вызвать меня грамоту пи- сать или Круг созвать?..

Булавин: Вели всем на Круг.. от малого до большого, от молодых до стариков. Да грамоту атама- ну Максимову напиши, упомяни о беспокойствии и что- бы он казаков на счету держал, к татарам не пускал. Нашу вольность отстаивать придется и согласен ли он, атаман Максимов, помощи мне дать. Начертай все подробней.

Писарь: Понимаю... хорошо... Начертаю, а потом прочту.

Булавин: Не медли, иди! (Писарь направляется к двери и сталкивается с князем Долгоруким, но не уступает ему дорогу, а берет его и сталкивает в сто- рону, а потом важно, не смотря на Долгорукого, вы- ходит).

Явление VIII.

(Булавин, старшина, Галина, ат. Вешек, князь Долгорукий).

Долгорукий: Дорогу эти казаки не умеют да- вать (злобно). так я вас научу! (к Булавину) Вы ли будете Атаманом Верхнего Дона Кандратием Булави- ным?

Булавин: Я... (Встает) А ты кто такой?

Долгорукий: Я князь Долгорукий — начальник стрельцов. Сам я из Москвы, не по своим делам, а го- сударевым. Царь Петр изволил прислать вам грамоту (подает грамоту).

Булавин: (к Галине) Пойди, позови писаря.

Галина: Хорошо. (Долгорукий смотрит ей вслед).

Долгорукий: (Тихо) Ничего себе черноокая ка- зачка. (К Булавину). Желательно, чтобы вы в корот- кий срок ответ начертали.

Булавин: (В сторону) Ну, ты там у себя князь, а я у себя атаман. Посмотрим.

Явление IX.

(Булавин, старшина, Ат. Вешек, Галина, Долгорукий и писарь).

Галина: Вот и писарь.

Писарь: К нашим услугам прибываю.

Булавин: (Подает писарю грамоту) Читай!

Долгорукий: Грамота секретна... Читать ее может только Атаман.

Булавин: У нас на Дону нет секретов. Все дела решаются сообща со старшинами и казаками. Читай!

Долгорукий: (сильно) Грамоту не смей читать вслух! (писарь отвращивается от Долгорукого).

Булавин: Здесь моя воля, врученная мне воль- ными сынами Дона... Читай!

Писарь: (Читает). „Атаману Кандратию Булави- ну от царя Петра, милостью Божией пребывающему живым и здоровым в городе Воронеже, месяца мая, 1707 года. Повелеваю собирать с казаков дань за соль, выработываемую ими в местах близ вашего городка. Собранную дань посылать ко мне в Воронеж или мо- ему доверенному князю Долгорукому, на кого надеюсь и которому поручаю за исполнением точным сего на- блюдать. Петр.“

Булавин: (гневно) С казачьих вольных промыс- лов собирать дань?! Виденное ли дело, братцы, с ка- заков дань собирать?! (К Долгорукому) Мы соберем- ся и решим, а потом сообщим царю Петру. (Ухо- дит. За ним уходит старшина, писарь и ат. Вешек).

Долгорукий: Не понравилось, очевидно, Атама- А, что там с ними рассуждать! (Садится). Впрочем... у вас здесь довольно уютно. (Осматривает комнаты. Встает) Стол... стулья... (Смотрит в окно и искоса посматривает на Галину, заинтересованный ею)). Во дворе цветы... Интересно, кто ухаживет за этими цве- тами?

Галина: Я... с Грунею...

Долгорукий: Мило... конечно, у Вас другого дела нет...

Галина: Нет, цветы смотрю между прочими де- лами, вернее в свободное время. (Галина не старается встретиться с ним взглядом, продолжает вышивать. Пауза).

Долгорукий: (Переходя от окна, обращает внимание на стену с оружием). Извините, пожалуйста... меня также интересует это оружие... Вы вероятно зна- ете откуда оно...

Галина: Нет... Знаю только, что оно турецкое. (Долгорукий приближается к Галине, она вскакивает и намеривается уйти).

Долгорукий: Вы меня испугались... Не бойтесь... Я не злой человек... Как Ваше имя?

Галина: Галя...

Долгорукий: (Слегка кланяется и протягивает руку) Ну, теперь будем законы и прошу не сердиться.

Галина: Я не сержусь...

Долгорукий: Мне нужно было бы идти, но встретив ваши глаза, я не могу уйти. (Приближаясь) Поймите, что нужно лишь на вас взглянуть и, кланясь, вы можете быть победительницей любого сердца...

Галина: Я вас не понимаю... Зачем это... Я...

Долгорукий: Меня не трудно понять... Дайте Вашу прелестную ручку...

Галина: Этого еще не доставало. Вы приехали от царя с грамотой, а сидите при мне. Бабник такой, а не князь... (Укоризненно) Слышите, уже запевают собравшиеся казаки (Казаки за сценой поют).

Долгорукий: Приехал я от царя и опять вер- нусь к нему. А как был бы рад царь моему счастью, увидев Вас со мною...

Явление X.

(Галя, Долгорукий, Некрасов).

Некрасов: (Появляется в двери).

Галя: Степан... (Бросается навстречу).

Некрасов: (Одновременно) Галя!..

Галина: Как я рада, что ты во время пришел... Это князь и воевода из Москвы. Петр его дань с ка- заков за промысел собирать прислал...

Некрасов: Вы — князь?!

Долгорукий: Да и воевода стрелков.

Некрасов: (Насмешливо) Решили воспользовать- ся случаем, что в доме казачка одна. Авось, прельстишь! Ха-ха-ха! А если нет, то силою... (гневно) Тут Вольный Дон, свободны все мы тут и равны. (Оставляет Галя, подходит к Долгорукому). Вы имеете смелость еще оставаться с нами (Долгоруков отступает к двери). Мы счетов не имеем, но с этого времени берегись, князь!.. (Некрасов поднимает руку. Долгорукий спешит за дверь). Сочтемся другой раз... (Некрасов подходит к Гале) Чудак какой-то, а не князь... (Обнимает ее и садится). Ты не поверишь, Галя, как хорошо мне с то- бою!.. Расскажи, как живешь?! Что подельваешь?! Вспо- минала ли про меня?!

Галина: (Улыбаясь) Только о тебе не вспоми- наем...

Некрасов: (Угрюмо) Ты что говоришь?..

Галина: Ты не понял меня... я пошутила. О те- бе только и речь у нас с Груней. Вот мы и нонче о тебе вспоминали (глядит его по голове и заглядывает в глаза). А ты вот сам явился... Ну, а как конь?

Некрасов: Конь — слава Богу — и носит меня по прежнему.

Галина: Татары с тобою в войне?

Некрасов: С татарами и турками я в мире... Но оставь такие рассказы, Галя. Ты бы чашку вина кп- лучего приподнесла.

Г а л и н а : (Вскакивает) Изволь... изволь (наливает для него и себя).

Н е к р а с о в : Хочу выпить за счастливую встречу...

Явление XI.

(Галина, Некрасов, Андрей).

А н д р е й : (Входит) Атаману Некрасову здоровья желаю... Атаман Булавин в Круг просит. Без вас делаю нет ходу. Делов то многость и все важные...

Н е к р а с о в : Опять дела... Иди. Да скажи моему старшине, чтобы казаки были готовы. (Андрей уходит). Вот видишь. Прибыл к тебе погостить, а тут Круг. С Круга может быть поход, а там?.. (Вздыхает).

Г а л и н а : (Подходит к Некрасову, он сидит) Степан... Боюсь, случится что-нибудь с тобою, не ходи сам в бой всегда, где можно обойтись и без тебя, пошли другого. Вспоминая про меня, берегись...

Н е к р а с о в : Галя, ты знаешь хорошо, что я люблю тебя, больше чем родную мать. Но Дон, его волю надо защищать, а тогда мы поживем.

Г а л и н а : Ты веришь...

Н е к р а с о в : Да, терпи и жди.

Г а л и н а : Береги всегда себя, не забывай про Бога, он всегда поможет.

Н е к р а с о в : Ну, Галя, перед уходом по старому казачьему обычаю присядем (салятся) и помолимся Богу (молятся, встают).

Г а л и н а : (Бросается в его объятия, плачет). Так скоро... как тоскливо мне будет опять... Когда ты вернешься?

Н е к р а с о в : Не знаю, моя радость... Не отчаивайся. Время свободное будет, прилечу... А пока (целует), перестань... Ну, довольно тебе. Ну, с Богом (Галя опять его целует).

Г а л и н а : С Богом, в добрый час, пусть святой Иоанн будет покровителем тебе в бою (бессильно). С Богом (Целуются и Некрасов уходит).

Занавес.

(Продолжение следует).

Борис Кундрючков. (†).

Есаул Тимофеев...

(Сказ).

Атаман Назаров... Скорбною дорогой
Шел на казнь и молча под винтовку стал...
Сорваны погоны и наряд убогий
Залп на атаманской той груди порвал...
Комиссар в тулупе громко потешался:
— Атаман казачий... Воли захотел,
Против нас, предатель, с булавой поднялся...
И хотел ударить... только... не посмел...
Не глядел Назаров в очи супостату...
— Много нас погибло...

— думал Атаман —

Но и вам, злодеи, Бог пошлет расплату,
И в степях развеет навсегда туман...

Лазарь ты мой, Лазарь... Лазарь Тимофеев...
И зачем туме ты, недругу, поверил —
Он казак был с виду, сам — холоп злодеев...
Честь свою казачью он давно похерил...
В клетке, на телеге, по дорогам дальним
Ты в цепях трясешься, будто зверь дичалый.
Дон затих в молчаньи тягостном, печальном...
Что казак невесел?.. Есаул удалый...

На плече распухло то клеймо кривое,
Что каленой сталью приложили каты,
Запеклося мясо от него живое
И смеялись, скалясь на огонь, солдаты...
Воевода с пузом потешался тоже,
— Для степей... свободы... Эх, что захотели.
А петлю не хочешь для разбойной рожки?..
Стиснул зубы Лазарь, зубы — заскрипели...
И не глянул в очи Лазарь супостату,
Думал, что не выжечь Волюшку степную...
Бог пошлет злодеям грозную расплату...
И за степь молитву он послал немую...

По бокам драгуны целого полвзвода
Скачут, ухмыляясь, а в душе робея.
В середине мчатся тряская подвода
И на ней согнулся в клетке Тимофеев...
И по селам избы бросив, россияне

Поглядеть на „тигра“ забегут вперед,
Мимо их подвода обручами грянет,
Да поручик гордый палашем сверкнет.
Лазарь побледнеет от его салюта,
Так бы сзади прыгнул кошкой на седло...
То лесок проедут, то спустишься круто,
Вылетают с балки, миновав село...
Голодом уж морят ровно двое суток
А воды — воды бы Лазарь как испил...
Только от их грубых, от их зверских шуток
Голод, да и жажду Лазарь позабыл...
Думал, как из клетки вырваться... Оковы
Все равно повиснут, что пудовый груз...
— Как попался, дурень... Ну и бестолковый...

Глядь — в бору нежданно их возок загруз...
Обступили тесно, хлопотать начали,
К пегой лошаденке припрягли коней,
С руганью и криком их кнутом хлестали,
Не жалея палок, не щадя плетей...
Не видали — сбоку, из просеки темной,
Со своей ватагой на драгун напал
Вдруг Миусский с гиком, с шашкой обнаженной,
Словно коршун с неба на цыплят упал...
Заметались люди, закричали в страхе
Кто вперед подался, кто назад бежать...
С диким воплем счастья, увидав папаху,
Лазарь стал, рыдая, цепи свои рвать...

— Ты ли это, Лазарь...

— Г-еой... Рубитесь, братья...

Вы папали в добрый и счастливый час...
И навстречу Лазарь им открыл объятия
Взор не отрывая от родных лампас...
Стычка длилась мало... Разогнав полвзвода,
Порубили клетку казаки тогда,
В яр была глубокий сброшена подвода
Средь корней древесных, где журчит вода...
Службу сослужила пегая кобыла,
Разыскал ей Лазарь мягкое седло...
И на память только от злодеев было

На лопатке левой у него клеймо...
 Ни одной минуты не забудешь в жизни,
 Кто клеймо поставил, и на смерть кто вез,
 И кто Дон забравши, пировал на тризне,
 Кто пролил так много кровушки и слез...
 Разина ребята: Лазарь Тимофеев,
 Ларька и Никола Хренов, Шелудях,
 Васька Ус, Безрадный, Федор Агапеев,
 Карташнов, Миусский — потерпели крах...
 Но за ними снова — Булавин поднялся,
 Пугачев Емелька, Грузинов Евграф,
 Каледин с врагами за свой Край сражался
 И Попов с отрядом воевал в степях...
 И борьба ведется без конца за Волю,
 Уж века за нами в той борьбе легли,
 Но народ казачий — не нашел он долю,
 Лишь надежда светит ярко впереди...
 С неземною силой Духа исполнины
 Поднимают снова степовой завет,

И звучат набаты, и горят призывы
 Воскрешают были пролетевших лет.
 Нас Казачья Правда словно солнце греет
 И растут с стремленьем вечным казаки, —
 Что Свободу Края отобрать не смеют...
 То ватаги бьются, то идут полки...
 Узнаем в рядах тех, кто был там и прежде,
 Шелудях такой же новый там стоит,
 Есть и Стенька Разин, но в другой одежде...
 Лишь призыв старины — тот же всех манит...
 И победа будет... И Свобода будет...
 Не вложили предков мы в ножны клинки —
 И народ былую Волюшку добудет,
 Заживут по Правде Божей казаки...

Так в скитаньях горьких, средь народов мира,
 Для грядущей жизни песни мы свои
 Здесь творим... Пусть вспомнят, как звенела лира
 О делах минувших и звала в бои...

И. Билый.

Вольным казакам.

Все попытки наших противников бороться с программой В. К. кончались неизменно неудачей. В Казачье движение растет и ширится. Этот его успех в последнее время особенно „нервирует“ чужих и „своих“ недругов Казачества. Бессильные в вопросах программы и идеологии, они меняют ныне свою тактику, поведя усиленную атаку на меня и моих ближайших сотрудников, выдумывая всякую небылицу, клеветца и провоцируя, как только позволяет это им их всепозволяющая „мораль“ или диктуют интересы „пославших их“.

Особенно отличаются сейчас г. г. „полковники“ и прочие титулованные особы. А лавры г. Чапчикова положительно не дают спать г. Соламахину.

Еще до получения последнего номера (апрель—май) „Кавк. Казака“, я начал получать письма-протесты вольных казаков и в. к. организаций против „деятельности“ некоторых „распоясавшихся“. Очень благодарен всем вольным казакам за защиту, но — да простят они мне это — печатать полученные мною протесты в „В. К.“ я не буду. Я неоднократно уже заявлял и еще раз это подтверждаю, что вступать в полемику или пикировку с теми, кто не имеет мужества брать на себя ответственность за свои слова и действия, на страницах „В. К.“ не буду. Не могу изменить этому правилу и в данном случае, когда некоторые слишком обнаглевшие „авторы“ из „К. К.“ спрятались за широкую спину г. Соламахина. Не стоят они того, чтобы мы ими занимались.

В самом деле, кто они? —

Труссы? — да труссы.

Лгуны и провокаторы? — да, лгуны и провокаторы. Они лгут и клеветают — потому, что других аргументов против В. К. у них нет.

В некоторых протестах авторы их обрушиваются на казачью старшину. Я думаю, что обобщений здесь делать нельзя, т. к. в данном случае дело идет о „действиях“ всего только отбросов казачьей старшины.

Они хвалят себя сами? — да потому, что их никто другой не хвалит.

Их „утверждения“ полны противоречий? — А разве для нас было бы лучше, если бы у них, наших противников, было больше логики?

Они неумны, безтактны и несерьезны? — А разве в наших интересах, чтобы наши противники были тактичны, умны и серьезны?

Братья, вольные казаки, если ктонибудь из вас думает, что мы достигнем своих целей без борьбы, борьбы напряженной и жестокой, тот глубоко ошибается. Что же — так все наши противники и отдадут нам все без боя и войны? — Да эта война сейчас уже идет.

Кто борется против нас? — Прежде всего, конечно, единонеделимцы всех цветов и мастей, „свои“ и чужие. Но есть и специальная категория „своих“, которая, так же, как и первая, в средствах „не стесняется“. Есть в их среде удаленные из наших рядов (в каких рядах они не были?); есть те, кто завидует, кто считает, что он „все это сделал бы лучше“, вот только „предоставьте“ ему эти „возможности“; есть просто вечные кандидаты на какойнибудь „пирог“... Есть, несомненно, и злые, я бы сказал — органические противники В. К. программы, плохо скрывающие подлинные свои убеждения и исповедующие (тактика!) в каждый данный момент убеждения своего собеседника, — все они ведут с нами войну.

Войны этой мы не боимся. Мы просто будем идти дальше своей дорогой. А они — пусть забегают и перебегают, пусть лают...

Предложили они чтонибудь свое? чтонибудь дельное, серьезное? — Нет! — Так плюньте на них — большего они не стоят.

Некоторые наши противники все время твердят, что вольнокозацкого с'езда не будет. Это они не хотели бы, чтобы он был. Мы не спрашивали у них, когда начинали дело В. К.

не будем спрашиваться у них и тогда, когда будем созывать вольнокозацкий с'езд — Большой Круг В. К.

— Итак: они лгут — мы будем говорить правду! они шипят из-за угла — мы будем говорить громко и открыто!

Посмотрим, кто выиграет!

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

С момента вынужденного оставления Кубанским Правительством и Радою Екатеринодара в ночь под 1-ое марта до момента возвращения их туда 2-го августа 1918 года, всего за пять месяцев, произошли весьма значительные перемены, как на самой Кубани, так и на всей территории бывшей России. Для внимательного наблюдателя было абсолютно ясно, что в Веллкороссии крепко засела новая, большевицкая власть, что под контролем и руководством этой власти русский народ, при помощи офицеров старой, царской армии организует новую русскую армию, что эта армия уже ведет более или менее успешные бои против фронта Учредительного Собрания на Волге, против чехословацкого корпуса, против Дона и т. д. На самом Северном Кавказе большевики сумели организовать армии Кальнина, Сорокина и многочисленные другие группы войск, что эти армии комплекуются, в значительной степени, местным казацким населением... В настроении самого Казачества Дона, Кубани и Терека произошли настолько резкие изменения, что казачье противобольшевицкое течение с руководящих верхов перешло в самую толщу Казачества и превратилось в поголовное вооруженное восстание всего Казачества против русской советской власти... Однако, благодаря весьма многим причинам, не удалось тогда создать единого руководящего центра для всего казацкого противобольшевицкого народного движения на Юго-Востоке. Вследствие этого казацкие силы были раздроблены. Донской Атаман Краснов, став во главе могущественного Донского Войска, организовал не только освобождение Дона, но строил планы и для освобождения Москвы, при чем хотел быть главою всех вооруженных сил, долженствующих выгнать большевицкую власть из центра России... Приближенный к Донскому Атаману Родионов, на казацкие деньги издавал в Новочеркасске газету „Часовой“, в которой прославлялась единая, неделимая Россия и монархический образ правления в ней. Эту печатную проповедь монархизма, несущуюся из Новочеркасска, большевики использовали очень умело для усиления своих частей и для разложения частей донских, указывая и крестьянам, и казакам на то, что в казацком центре руководящую роль играют русские монархисты-единионеделимцы, стремящиеся водворить старые, дореволюционные, помещичье-царские порядки. На эту преступную пропаганду указывали рядовые донские казаки на Большом Войсковом Круге в августе-сентябре 1918 г. и требовали немедленного ее прекращения.

Еще хуже обстояло дело на Кубани. Благодаря стечению весьма многих неблагоприятных для успеха борьбы обстоятельств, предательству со стороны выборного Атамана Филимонова и его единомышленников, а также благодаря ошибкам и несогласиям в среде кубанских самостоятельных, кубанских вооруженные силы попали в руки русских единионеделимских генералов. Выше подробно было объяснено, как это произошло.

С приходом в Екатеринодар безусловно усилился авторитет правительственного центра, но, вместе с тем, усилился авторитет и значение добровольческого русского центра, вокруг которого со всей России стали

ли собираться русские единионеделимцы. В этом же центре находили моральную и материальную поддержку и кубанские единионеделимцы. Если внимательно прочитать то, что написано и опубликовано руководителями и организаторами русского добровольческого движения и бывшим Донским Атаманом Красновым, перед нами предстанет ясная картина борьбы между Деникиным-Алексеевым, с одной стороны, и генералом Красновым, с другой, за руководство в противобольшевицком русском освободительном движении. Против единого русского большевицкого центра только на юге бывшей России боролись два русских центра: один на Дону, во главе с Красновым, другой на Кубани, во главе с Деникиным-Филимоновым.

После упорной закулисной и явной борьбы между Атаманом Красновым и донскими кадетами во главе с В. А. Харламовым, в конце концов, на Большом Войсковом Круге в августе-сентябре месяцах 1918 года глава донских монархистов, генерал Краснов, был снова избран Донским Атаманом с почти диктаторскими полномочиями, а глава русских донских кадетов, В. А. Харламов, был избран председателем Донского Большого Войскового Круга. Таким образом, два русских течения на Дону, монархическое-единионеделимческое и кадетско-единионеделимское, имели своих представителей на самых высоких должностях в Войске Донском, уже несколько месяцев ведущем борьбу с русскими большевицкими армиями. Казаки очистили Дон и не хотели, естественно, идти воевать с Россией на русской земле, за те или иные внутренние русские порядки. А выборные руководители Казачества не удовлетворились этим и повели политику так, чтобы, в конце концов, втянуть казаков в войну России белой с Россией красной.

Необходимо отметить и тот факт, что на посту председателя Донского Правительства был в то время генерал А. П. Богавский, участник 1-го похода Добровольческой армии, всей душой преданный тому делу, которому служила эта армия. Кандидатура этого генерала уже в августе и сентябре месяцах 1918 г. выдвигалась даже на высокий пост Донского Атамана. Был бы он избран тогда в Атаманы, не известно, но известно то, что в момент выборов было применено открытое вмешательство немцев, не желавших видеть на высоком посту донского Атамана явного и твердого сторонника добровольческого командования.

Донские казаки очистили всю Донскую территорию, они приняли Донскую Конституцию, текст своей присяги, они утвердили донской герб и флаг, словом, они возрождали и с оружием в руках защищали былую свою свободу и независимость. Они совсем не хотели вступать в русские дела, но среди них за 200 лет русского владычества над Доном выросла и воспиталась донская по крови, но глубоко русская по духу и стремлениям интеллигенция. Дабы не отравиться от народной массы, эта русская из казаков интеллигенция шла на Донской Круг, в параграфах тех или иных законов формулировала даже волю народную; вследствие этого народ выбирал ее на высокие посты в Войске, и она занимала эти посты, торжественно клялась со-

блюдают принятые на себя перед Донским Войском обязательства, а сама думала свою соответствующую душу служить другой Родине, служения другому Отечеству, потихоньку, пряча лукавое лицо от взора донских казаков, оглядывалась по сторонам, ища себе единомышленников и союзников... И многие донские руководители нашли этих союзников в Добровольческой армии и в русских людях, организовавшихся вокруг нее. Донское офицерство помогало рядовому казачеству организовать Донскую армию и вооруженной рукой освободить к августу месяцу всю Донскую территорию, но у донских казаков не нашлось среди своей интеллигенции донских политиков, которые хотели бы и умели бы влить живое содержание в Донскую Конституцию, которые опираясь на прекрасную Донскую армию, построили Донское самостоятельное государство. Для донских казаков и их интеллигенции уже в первой половине 1918 г. было ясно, что не останавливаясь перед кровавыми жертвами, надо за всякую цену сбросить большевистское иго, но русской интеллигенции из казаков не было еще тогда ясным, что большевистское иго является, по сути, русским игом, что освобождение Дона заключается не в том, чтобы на место одной русской зависимости поставить другую, а в том, чтобы сбросить всякую зависимость Дона от России. Самостоятельный Дон мог легко войти с Россией в такие же соглашения, какие он заключил в 1918 г. с Украиной, с Кубанью...

Еще сложнее, как мы видели, было положение на Кубани. Если Добровольческая армия только собиралась посадить своего сторонника и единомышленника на пост Донского Атамана, то на Кубани, в лице Филимонова, она уже имела верного исполнителя своих желаний. Если добровольческое командование только принимало меры для подчинения себе донских вооруженных сил, то на Кубани кубанские войска уже были в распоряжении этого командования. Положение русских людей на Кубани, в значительной мере, осложнялось тем, что наряду с явно русским течением среди казачьей интеллигенции существовало сильное самостоятельное течение. Наряду с русским атаманом здесь были весьма активные самостийники, которые не только не собирались строить какую-бы то ни было Россию, но освобождение Кубани от ее владычества считали единственным выходом. Это самостоятельное движение имело глубокие корни в населении. Но у этого течения не хватало силы, а, может быть, просто смелости взять в свои руки организацию государственной жизни Кубани, организацию самостоятельной Кубанской армии для защиты своих идеалов.

2-го августа 1918 года, как мы видели, в Екатеринодар пришли две силы: русская во главе с командованием Добр. армии, Атаманом Филимоновым, старшим кубанским офицерством и казачья — руководимая меньшинством Кубанского Правительства и большинством небольшой Кубанской Законодательной Рады.

Из предыдущего разбора военных операций, за время с 10 июня до 2-го августа 1918 г., видно, насколько слабыми собственно добровольческими силами обладало тогда добровольческое командование. Целая армия состояла почти исключительно из кубанцев-казаков и горцев. Добровольческое командование не имело еще силы для производства переворота в свою пользу. Деникин по своему объясняет, почему, по его мнению, добровольческое командование не стало тогда на путь переворота:

„Я утверждаю убежденно: тот, кто захотел бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужден был бы применить в крае систему чисто большевистского террора против самостийников“ (т. III).

Так оправдывается Деникин перед бросаемыми ему русскими людьми упреками в том, что он тогда уже не сделал вооруженного переворота на Кубани и не облегчил будущей работы строителей России.

Кубанское самостийническое течение, проиграв борьбу за Кубанскую Республику в начале 1918 г. и вынужденное оставить столицу Кубани в ночь под 1-ое марта, возвратилось в Екатеринодар, связанное русскими силами. Это течение не встретило необходимой под-

держки в национальных освободительных движениях соседних областей — ни на Кавказе, ни на Дону, ни в Крыму, ни в Украине... Последняя тоже переживала сама трагедию.

Среди руководящих политических кругов Украины в 1917 г. не нашлось достаточно сильной группы деятелей, которые уже тогда ясно и открыто поставили бы вопрос об организации совершенно самостоятельного украинского государства. Украинская политическая мысль должна была пройти долгий путь 4-х Универсалов, от провозглашения культурной автономии, через федерацию „Съезда народов“ в сентябре месяце, через ноябрьско-декабрьскую попытку организации общероссийской федеративной власти до провозглашения 22 января 1918 г. полной самостоятельности и подписания Брест-Литовского договора с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. На все это было затрачено почти целый год (от 1-го марта 1917 г.). Население Украины не оказало необходимой поддержки своим вождям: во время наступления большевистских войск на Киев в январе месяце 1918 г. под командой Антонова и Муравьева, в столице Украины было столько воинских частей, что они, при желании воевать за Украину, могли просто разметать большевистские войска, пришедшие на Украину, и не только выгнать красных русских завоевателей с украинской земли, но и продиктовать мир в самой Москве. Однако, 30-ти тысячная масса украинских войск держала нейтралитет, а украинская молодежь и сравнительно немногочисленные украинские патриоты и герои гибли под Крутами, на улицах Киева... В результате захвата Киева большевиками, отступление украинского Правительства в Житомир, возвращение его в Киев с немецкими войсками, установление власти Гетмана Скоропадского.

Широкая власть Донского Атамана Краснова на Дону, власть Гетмана Скоропадского на Украине давали пример кубанским противникам демократического устройства. Поэтому выступление Атамана Филимонова против Кубанской Рады и Правительства в ст. Мечетинской 30 мая и последующие выступления Шкуро и Покровского тоже против Рады и Правительства могут быть пояснены не только желанием прибрать кубанских казаков в руки единомышленцев, но и желанием уничтожить на Кубани демократический образ правления. Кубанские „русские казаки“ охотно бы воспользовались вооруженной поддержкой главного командования, но это командование само для своих целей не имело достаточно вооруженной силы. Свергнуть Кубанскую Раду и Правительство это значит вступить в открытый конфликт с кубанскими казаками, составлявшими не менее 90% всей армии, находящейся под командованием Деникина.

Ясно было для каждого, что кубанские казаки встали не ради борьбы за единую, неделимую Россию, а для борьбы за свободу и независимость своего Края. Было также ясно, что русское большевистское правительство, при помощи царских генералов и офицеров, приступив с весны 1918 г. к организации регулярной русской армии, создавало такую военную силу, сокрушить которую на исконной русской территории, вблизи Москвы, не смогут казаки вместе с незначительными силами русских добровольцев. Руководители и организаторы белого движения, генералы Алексеев, Деникин, Лукомский, Эрдели, Драгомиров и другие имели хорошую военную подготовку, но такую же имели и организаторы красной русской армии генералы Брусилев, Парский, Бонч-Бруевич, Сытин, Каменев, Снессерев и многие другие. Не смотря на это, генерал Деникин сейчас же после взятия Екатеринодара писал в письме на имя Атамана Филимонова следующее:

„Трудами и кровью Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань... Добровольческая армия не кончила свой крестный путь... Отданная на поругание советской власти Россия, ждет избавления. Армия не сомневается, что казаки в ее рядах пойдут на новые подвиги в деле освобождения отчизны... (Деникин, т. III, стр. 199—200).

Выполняя постановления и директивы Кубанской Рады, принятые в декабре 1917 г., Кубанское Правительство почти достигло поставленной цели — освобо-

ждения Кубани от большевицкого ига. Руководствуясь теми же постановлениями, а также постановлениями Кубанской Законодательной Рады, это Правительство должно было: 1. вести дальнейшую борьбу с большевицкими армиями, занимавшими еще восточную часть Кубани, Ставропольскую губернию и Терскую область, а также державшими крепко в своих руках Царицын на Волге, и угрожавшими оттуда новым московским завоеванием Кубани, 2. устроить внутреннюю жизнь Кубанского Края, 3. не допустить, чтобы Кубань, освободившись от русской большевицкой власти, попала под русскую белую власть.

При этих условиях Кубанское Правительство приступило к подготовке созыва Чрезвычайной Краевой Рады. Особенно большим был вопрос о Кубанской армии, организация которой вызывалась насущными, жизненными интересами Кубани. Договор, заключенный Кубанским Правительством с Добровольческим командованием 17 марта в ст. Ново-Дмитриевской, как известно, предусматривал организацию самостоятельной Кубанской армии. Требование об осуществлении этого договора было поставлено Кубанским Правительством на его заседании с командованием Добр. армии 12-го августа, через 10 дней после занятия Екатеринодара. Не только председатель Куб. Правительства Л. Л. Быч, но и военный министр Кубани, полковник Савицкий, категорически настаивали на немедленном осуществлении вышеупомянутого договора и на выделении кубанцев в самостоятельную армию. Однако генерал Деникин, опираясь на закулисное соглашение с кубанским Атаманом Филимоновым, демонстративно покинул совместное заседание (Деникин, т. III стр. 208).

18-го августа председатель Куб. Правительства обратился к командованию с пиясьменным протестом против 1. вмешательства проходящих добровольческих отрядов во внутреннюю жизнь станиц и городов, 2. против реквизиций, производимых армией в особенности большевицких складов, запасов и имуществ, которые Кубанское Правительство считало своим призом, 3. против сбора продовольствия и отвода квартир непосредственным распоряжением органов армии, помимо кубанских учреждений.

19-го сентября 1918 года вопрос об организации Кубанской армии стал предметом обсуждения на бурном совещании членов Кубанской Законодательной Рады. Рада требовала немедленного осуществления договора с добровольческим командованием об организации армии.

„Там, однако, пишет Деникин, у нас (генералов) оказался союзник: Атаман Филимонов защищал позицию командования и Добровольческую армию, в весьма резких выражениях обвинял Правительство (Кубани), требовал устранения им повода к разрыву и призывал к полному единению с (Добровольческой) армией...

„Стоя близко к Добровольческой армии, имея частые сношения с командующим армией“, заявил войсковой атаман Филимонов, — „я не замечал никогда желания последнего мешать работе правительства или стремления к захвату власти; напротив, я слышал от ген. Деникина жалобы на недоброжелательное будто бы отношение Правительства к Добровольческой армии“ (Там же).

Словом, превратившись в послушного агента командования Добр. армии, кубанский Атаман Филимонов явно говорил неправду, нападал на Кубанское Правительство, лишь бы отстоять оставление кубанских полков в распоряжении русских людей. Как мы уже говорили выше, Кубанский Войсковой Атаман, как и Кубанская Законодательная Рада, были избраны Кубанской Краевой (большой) Радой. Атаман не был ответствен перед Законодательной Радой, последняя не могла его удалить законным способом. И наоборот, Атаман не мог распустить Зак. Раду. Атаман был верховным руководителем Кубанских вооруженных сил, его слово в вопросе об организации Кубанской армии имело решающее значение. Как мы видели, Атаман Филимонов высказывался не только против организации отдельной Кубанской армии, но и требовал от Кубанского Правительства полной поддержки добровольческого командо-

вания. Такое положение вещей внутри самой Кубани только радовало русских людей и давало им большие надежды.

Если кубанские самостийники не имели успеха в организации Кубанской армии, благодаря открытому противодействию со стороны выборного Кубанского Атамана, то в организации гражданской жизни Края они достигли значительных успехов. По прибытии в Екатеринодар Кубанское Правительство издало целый ряд распоряжений для урегулирования государственной жизни Края, подчинило себе все гражданские установления в Куб. Крае, суды, железные дороги; установило контроль товарообмена Кубани с соседними государствами; в виду наплыва на Кубань „множества различных русских партийных течений и организаций, которые выявляют почти открытое противодействие правительственной власти“, Кубанское Правительство принуждено было издать распоряжение о воспрещении всякого рода собраний, закрывать газеты за статьи, вызывающие недоверие к краевой власти и затрагивающие высших представителей соседних новообразований; в конце сентября мес. Куб. Пр-во воспретило въезд на Кубань „русских беженцев“ без разрешения Кубанского Правительства.

Теперь уже Добровольческое командование устно и письменно протестовало против этих распоряжений Куб. П-ва. Всячески сопротивляясь организации отдельной Кубанской армии, это командование добивалось объединения под своим руководством дела снабжения, финансовой системы, судебных установлений и т. д.

Вся эта упорная борьба между двумя центрами, русско-кубанским и самостийническо-кубанским, происходила во время ожесточенных боев с большевицкими армиями на Лабее, Урупе, в районе Армавира и Невинномысской, в районе Ставрополя. В этих боях проявлялось с обеих сторон много упорства и героизма, доходило много раз до штыковых ударов. С большевицкой стороны особенно отличалась Таманская армия, состоявшая, главным образом, из иногородних западной части Кубани.

В этих почти непрерывных боях мобилизованные и добровольно ставшие в ряды армии десятки тысяч кубанских казаков, успешно разбивая большевицкие армии, истекали кровью. В это время добровольческие и кубанские русские генералы старались опутать Кубань единонедельмическими путями.

Верховный руководитель Добр. армии, генерал Алексеев, в своем письме к великому князю Николаю Николаевичу, 15 сентября 1918 г., откровенно писал, как он смотрит на казаков вообще. В этом письме имеются такие слова:

„... Поставленные в сильную зависимость от казачьих территорий, на которых мы работаем, мы не можем проявлять торопливости в заявлении политических лозунгов, ибо это послужило бы во вред делу. Местное население далеко не готово к восприятию идеи монархии. Безлезненный микроб федерации еще бродит среди населения. Вот почему с бесконечной осторожностью и умением нужно подходить к постановке каждого нового вопроса... Нельзя сказать, что в настоящую минуту казачье население стало вполне прочным и надежным орудием борьбы с большевизмом...“ (Деникин, т. III, стр. 256).

Таким образом, верховный руководитель Добр. армии смотрел на Казачество только как на орудие борьбы за единую, неделимую монархическую Россию. Другой выдающийся руководитель политики Добр. армии, проф. В. Н. Соколов, следующим образом оценивал положение русских людей, группировавшихся вокруг главного командования:

„В рядах Добр. армии насчитывалось, как говорили, до 70% кубанских казаков... Трагедия наша и заключалась в том, что наша военная опора — кубанское казачество находилось под демогагическим влиянием черноморских украинифилов... Наша военная ставка была на казачью силу“... (Соколов: Правление ген. Деникина, стр. 45 и 57).

Согласно свидетельству генерала Врангеля, в на-

чале сентября месяца 1918 г. принявшего командование кубанской дивизией после ген. Эрдели, в это время (сентябрь 1918 г.) вся „конница Добр. армии, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков кубанцев и черкесов“ (Белое дело, т. V, стр. 70).

Состав армии в сентябре месяце Деникин определяет в 10 общероссийских пехотных и два конных полка, в 8 кубанских пластунских батальонов и 16 конных кубанских полков. Зная малочисленность неказачьих формирований, но не желая открыто признать этот факт, Деникин, как будто мимоходом, бросает фразу: „Казаки входили в большом числе в состав пехотных полков, в особенности 1-го Кубанского, Стрелкового и Партизанского“ (т. III)... В действительности, и в сентябре месяце кубанские казаки составляли подавляющее большинство во всех добровольческих „русских“ полках.

При таком составе армии русские генералы и вообще русские люди все время хотели диктовать Кубани свои условия. После захвата в свои руки кубанских военных сил, добровольческое командование и поддерживавшие его русские люди, казаки и неказаки, стремились подчинить себе Кубань и в гражданском управлении. В том же сентябре месяце 1918 г. они наскоро составили проект „Временного положения об управлении областями, занимаемыми Добр. армией“, устанавливающим, между прочим, следующие положения:

§ 1. Вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Добр. армией, принадлежит верховному руководителю Д. армии...

... § 24. Кубанская область пользуется правами автономии...

§ 25. К предметам ведения Куб. Обл. власти... принадлежит:

- 1) местная полиция,
 - 2) надзор за печатью,
 - 3) санитарное и медицинское дело,
 - 4) дела местного самоуправления,
 - 5) тюремное дело
- и т. д.

Словом, русские люди милостиво соглашались ввести на Кубани земское самоуправление.

Для проведения в жизнь этого проекта русским людям надо было найти поддержку среди кубанцев. Как мы видели, Добровольческую армию всецело и слепо поддерживал выборный Кубанский Атаман Филимонов и часть кубанского (старшего) офицерства. Кроме того, русские единомышленники нашли весьма серьезную, пока закулисную, поддержку и среди части членов Куб. Законодательной Рады и членов Кубанского Правительства. Многие еще покрыты мраком неизвестности, но многое уже стало известным об этой закулисной работе русских людей на Кубани. Профессор К. Н. Соколов в книге „Правление Деникина“ немного приоткрывает темную завесу над этими тайными переговорами и соглашениями русской части Кубани с общероссами. Он говорит:

„В. А. Степанову и мне было поручено выяснить настроение „противной“ стороны и для этого снести с теми из кубанцев, у которых имелось основание предполагать сочувствие нам или, по крайней мере, понимание наших „объединительных“ планов, и которые могли бы своим авторитетом в Кубанском стане помочь проведению их в жизнь П. М. Каплин принял на себя функции посредника, и у него на квартире состоялись две встречи „уполномоченных сторон“. От Добровольческой Армии были мы с В. А. Степановым, от кубанцев — Ф. С. Сушков, Д. Е. Скобцов, Д. А. Филимонов, А. И. Литовкин и хозяин дома...

... Ф. С. Сушков и Д. Е. Скобцов входили в состав правительства Л. Л. Быча; первый управлял ведомством народного просвещения, второй — ведомством земледелия. Д. А. Филимонов, А. И. Литовкин и П. М. Каплин были членами Краевой Рады... только Д. А. Филимонов высказался решительно против диктатуры. Прочие наши собеседники оказались настроенными более терпимо.

Они выразили готовность согласиться с преобладанием добровольческого командования, как носителем обще-государственной идеи, и с соответствующим распределением предметов ведения между ним и краевой властью... при этом они не скрыли от нас, что так уступчиво настроены они — линейцы, и что со стороны их „черноморских“ коллег наши проекты встретят совсем иное отношение. Впрочем, они обещали нам свое содействие и выразили надежду, что при правильном ведении дальнейших переговоров успех вполне вероятен...“

Все эти сторонники Добровольческой армии боялись выступить открыто, публично; они за кулисами, потихоньку, но настойчиво сновали паутину, чтобы население Кубани сделать послушным орудием русской политики, чтобы огромные военные силы восставшего кубанского казачества использовать для возрождения распадающейся на национальные части бывшей неделимой России. Великобритания уже открыто шла вместе с Лениным ради построения неделимой России, а другие организовались вокруг Деникина, Колчака и других генералов ради возрождения той же неделимой России. Препятствием для немедленного осуществления русских планов было то, что русские единомышленники были поставлены, как писал генерал Алексеев, „в сильную зависимость от казачьих территорий“, что „местное население далеко не готово к восприятию монархии“ и что „болезненный микроб федерации еще бродит среди населения...“

Видя свое бессилие вооруженной рукой навязать Кубани свою волю, видя, что при помощи только кубанских единомышленников, атамана, старших офицеров, членов правительства и Рады, не удастся легальным путем навязать Кубани русскую диктатуру, добровольческое командование в борьбе с кубанской самостоятельностью, обыкновенно, прибегало к поддержке единомышленников соседних областей. В сентябре и октябре месяцах 1918 г. командование не раз обращалось за помощью к донским кадетам — председателю Донского Большого Войскового Круга В. А. Харламову, М. С. Воронкову, В. Ф. Зеелеру и другим.

В октябре месяце названные лица взяли на себя роль посредников-сватов при переговорах Добр. армии с Кубанским Правительством. Деникин об этом рассказывает следующее:

„К переговорам в качестве „трех лиц“ были привлечены донские к.-д. — председатель Донского Круга Харламов, Зеелер и Воронков. 16-го октября под председательством ген. Драгоманова состоялось предварительное заседание членов „Особого Совещания“ с донскими деятелями“ (Деникин, т. IV, стр. 43).

26-го октября состоялось совещание с кубанцами. На совещании присутствовали от Добр. армии ген. Лукомский (председатель), А. А. Нератов, ген. Романовский и В. А. Степанов; от Кубанского Правительства: Л. Л. Быч, А. А. Намытоков, полковник Савицкий (воен. министр) и Д. Е. Скобцов, от Атамана Куб. войска полковник Успенский, особо приглашенные: В. А. Харламов, М. С. Воронков и В. Ф. Зеелер. На этом совещании было установлено, что „Положение об управлении областями, занимаемыми Добр. армией“, устанавливающее военную диктатуру Деникина, было разработано не главным командованием, а членами партии народной свободы (к.-д.).

Председатель Куб. Правительства Быч, член правительства по делам юстиции Намытоков и военный министр Савицкий ясно и недвусмысленно отвергли предложенный добровольцами и „посредниками“ проект диктатуры. Они заявили, что к переговорам об объединении должны быть приглашены Украина, Грузия, Горцы Кавказа и, далее, Белоруссия, а потом и Сибирь, что власть должна быть организована путем сложения местных властей; что все, что говорится на совещаниях, кубанцы обязаны передать Кубанской Раде и что Рада с установлением диктатуры не согласится. „Основная наша мысль та“, говорили эти кубанцы, „что проект должен быть выработан на совещании представителей договаривающихся земель, на котором каждое государ-

ственное образование будет иметь по одному голосу“, что дело объединения нельзя начинать путем завоевания Украины, Дона и т. д., что надо образовать союзный Совет, а Совет организует Правительство, облеченное большими полномочиями, тот же союзный Совет назначит главнокомандующего и определит организацию самой армии на началах воинской дисциплины. (Протокол совещания 26-Х-1918).

На это генерал Лукомский ответил:

„Я от лица Добр. армии заявляю, что мы считаем совершенно недопустимым, чтобы союзный совет избирал главнокомандующего. Мы считаем, что в области военной и дипломатической вся полнота власти должна принадлежать главнокомандующему“.

Знаменательна позиция председателя Донского Круга Харламова. Дон, как известно, к тому времени (октябрь 1918 г.) закончил построение своей возрожденной государственной самостоятельности — имел свою армию, законными представителями народа утвержденную конституцию, свой государственный герб и гимн, имел выборного Президента-Атамана, свое Правительство и Законодательную Палату (Войсковой Круг), имел уже свое дипломатическое представительство, территория Дона была обильно полита кровью его освободителей-казаков, на границах Дона была расположена армия Донская, успешно отражавшая попытки русских войск проникнуть на Донскую территорию.

А в это время председатель Донского Круга Харламов добровольно согласился быть помощником у небольшой группы русских генералов, стремящихся навязать свою диктатуру казакам, Украине и, в конце концов, всей бывшей России. Председатель Донского Круга Харламов приехал „угуваривать“ кубанцев принять русскую диктатуру, согласиться вести казаков на завоевание огромной России, которая уже разбила на Волге фронт Учредительного Собрания, которая руками комиссаров и русских генералов и офицеров организовала русскую армию и бросала ее против казаков.

Харламов на этом совещании заявил:

„Добровольческая армия взяла на себя задачу государственного строительства. Установление власти путем сложения местных властей — путь очень сложный, длительный, а жизнь требует быстрого решения... Мне кажется, что Дон пойдет на предоставление полной власти в области военных и дипломатических вопросов Добровольческой армии, а в разделе б, трактуемом о местной автономии, придется внести поправки“ (Протокол совещания).

Видя, что председатель Донского Круга Харламов так решительно и безоговорочно поддерживает диктатуру командования Добровольческой армии и соглашается уже передать в его распоряжение возродившийся Дон, с которым Кубанское Правительство подписало 24-го мая 1918 г. вышеприведенное соглашение о совместных действиях против большевиков, об установлении общего для Дона и Кубани военного совета для выработки плана совместных действий и для проведения этого плана в жизнь и т. д., председатель Куб. Правительства Быч спросил В. А. Харламова: „А право объявления войны и мира кому должно принадлежать?“ На это Харламов ответил: „Это вопрос академический, так как война уже есть“.

Под председательством Харламова Донской Войсковой Круг утвердил следующий текст присяги для всех донских граждан:

„Обещаюсь честью Донского казака перед всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству.“

Обещаясь служить ему до последней капли крови, всеми силами способствуя славе и процветанию Войска Донского, обязуюсь повиноваться Большому Войсковому Кругу и избранному Им Донскому Атаману. Возложенный на меня долг

службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества.

Обещаюсь повиноваться всем поставленным надо мной начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг Донского казака и Войска. Обещаюсь быть честным, добросовестным, храбрым казаком и не нарушать своего обещания из за корысти, родства, дружбы или вражды.

В заключение данного мною обещания осеняю себя крестным знаменем, целую Святое Евангелие и Честный Крест и нижеподписуюсь“.

Все донские казаки — Атаман, Правительство, члены Круга и все остальные Всевеликого Войска Донского граждане — принимали эту присягу и клялись „не нарушать своего обещания из за корысти, родства, дружбы или вражды“... Донские казаки складывали свои головы на фронте, защищая Донскую волюность, а председатель Круга Харламов, угодливо и покорно, тайно действуя за спинами избравших его казаков, и Донскую армию клал к ногам претендента в русские диктаторы. Видя перед собою услужливую фигуру кубанского атамана Филлимонова и его кубанских единомышленников и пособников, видя перед собою низкопоклонную фигуру председателя Донского Круга Харламова, что могли думать о казаках, о казачьих республиках, о казачьих выборных властях, бжежаме из России русские генералы, помещики, купцы и т. д.

История каждого народа клеймит, обыкновенно, имена предателей и изменников. Тот предатель — педерал противнику план мобилизационный, другой — план обороны, третий — войска противника провел неведомыми тропами в тыл своим войскам, тот — открыл тайный вход в крепость и т. д. Размеры вреда государствену от деятельности изменников и предателей в значительной степени определяются тем положением, которое предатель занимает в государственном механизме гражданского управления или в армии. Чем выше сидит изменник, тем больше он знает и тем страшнее его предательская роль! Слабость, безволие, неумение вести порученное дело, а, тем более, предательство со стороны правителей много раз подрывали усилия, сводили к нулю все великие жертвы даже у больших народов, долгое время живших государственной жизнью. Тем легче было наносить вред возрождающейся, молодой казачьей государственности. Отдавая Казачьи Республики, казачьи армии в руки белых русских генералов, казачьи единоеделимцы втягивали казаков в войну с той самой русской силой, которую организовали и бросали на казаков другие, красные единоеделимцы.

Русские генералы, сидевшие в Москве и работавшие у большевиков, черпали силы для организуемой ими русской красной армии из огромного 70-ти миллионного резервуара истинно русских людей, со времени Андрея Боголюбского, со времени Ивана Калиты, со времени Василия III и др. Иванов и Василиев московских, со времени самодержцев петроградских, воспитываемых в беспреклонном, рабском повиновении самодержавной власти.

Русские белые генералы, проработав целый год на казачьих землях, проиграли свою ставку на патриотизм русских людей. Генерал Брусиллов просто запретил русским офицерам идти на юг, к Корнилову-Алексееву-Деникину, а русские офицеры, в количестве многих десятков тысяч собравшиеся на Дону, на Кубани и на Терекке, тоже не дали Деникину серьезной поддержки. Мобилизация Деникиным неказачьего населения в Старопольской и Черноморской губерниях и на Кубани дала самые плачевные результаты. Разница между московскими и южными единоеделимцами была только в том, что московские просто объявили казаков изменниками революции, контр-революционерами и посылали против казаков русские армии, а единоеделимцы южные, не брезгая никакими способами, ползали узами между казаками, соблазняя их вкусным русским яблочком, заманивали казаков на московскую дорогу, стремились опутать их крепко своими сетями, чтобы только заставить казаков идти на Москву, разбивая перед собой многочисленные русские красные армии.

(Продолжение следует).

А. Ленивов.

Донские калмыки.

(Исторический очерк).

Донские калмыки в этнографическом отношении принадлежат к западной ветви Монгольского народа, сообразно чему история калмыков до начала XVII века, т. е. до момента их появления в Поволжье, является историей Монгольского народа. Страшное поражение монголов, разбитых китайцами в битве у Буин-Нура в 1388 году, определяет конец военно-политического могущества Монголов, в конечном итоге коего и начался распад Великой Монгольской империи... К этому же периоду времени относится объединение четырех западных монгольских племен: (Дербеты, Торгоуты, Хошоуты и Чоросы), которые и образовали особый союз, получивший наименование Дербен-Ойрат, т. е. союз четырех соединенных племен: во главе союза стал чоросский тайша, владетель Джунгарии (северная часть китайской провинции Синдзян — Западный Китай). К концу XVI века из состава Ойратского союза (Дербен-Ойрат) выделилась группа в виде Торгоутского племени, части Дербетов и Хошеутов, которая и открыла движение на далекий запад, продвигаясь через Сибирь в направлении к рекам Эмбе и Уралу. В 1632 году указываемая группа в количестве до 50 тысяч кибиток, под общим предводительством Торгоутского тайши Хо-Орлёка, прошла через р. р. Урал и Волгу в степи Поволжья, где и расположилась на кочевье. Она группа западных монголов получила у своих соотечественников (продолжавших осваиваться в Джунгарии (Зюнгарии), наименование „элэты“ (отделившиеся), каковое слово, будучи переведенным на татарский язык, является равнозначущим названию „калмыки“ впоследствии укоренившемуся в окончательном виде за западными Ойратами, выходцами из Джунгарии (Зюнгарии).

Считая от первых дней своего появления в степях Поволжья, калмыки вошли в самую тесную связь с казаками, в частности с Донским Казачеством. К 1642 году относится первое установление сношений между калмыками и Донским Войском; спустя же пять лет, именно в 1648 году, калмыки заключили с Донскими казаками оборонительный и наступательный союз против Крымских татар. В лице казаков, калмыки нашли себе не только превосходных боевых соратников, но еще и близких по духу и быту людей. В 1660 году войсковой старшина Степан Разин заключает от имени Донского Войска весьма ответственный договор с калмыцким народом. Уже в 1661 году калмыки совместно с Донскими казаками участвуют в походе против Крымских татар; несколько позднее (в 1675 году) Донские казаки под водительством Походного Атамана Фрола Минаева и калмыки, имея во главе Мазана-Батыря, предпринимает набег на Крымских татар и выдерживают с последними весьма жаркие бои у Перекопского вала. Также и в 1679 году Донские казаки и калмыки совместно участвуют в сражениях против татар на Муравской дороге. В 1686 году Донские казаки с Походным Атаманом Максимом Фроловым оказывают помощь калмыцкому хану Аюке, сражавшемуся на Кубани с ногайцами. Обратное, в 1696 году хан Аюка, в свою очередь, послал три тысячи калмыцких воинов в помощь Донским казакам, участвовавшим в Азовском походе. В 1698 году объединенные отряды Донских казаков и калмыков под общей командой Походного Атамана Максима Фролова, совершили поход на Кубань. В 1700 году Донские казаки и калмыки разбивают на голову отряд Кубанских татар в битве на р. Соляной. В 1733 году отряд, составленный из 1000 Донских казаков и 4000 калмыков, совершил поход в Дагестан, где и сражался с войсками Отемшанского султана Махмуда.

Приводя данные о сотрудничестве калмыков и донских казаков, необходимо оговорить и нечто иное, именно, когда в 1655 году калмыцкий хан Шукур-Дачи (Дайчин) формально признал над собой протекторат русского царя, то начиная с этого времени калмыки, всецело подпав под русское влияние, служили в качестве слепого орудия российской имперской власти про-

тив многочисленных племен, населявших пространство Юго-Востока Европы, в том числе и против Донского Казачества. Так 14 августа 1688 года калмыки под водительством Чаган-Батырь-Тайши принимали участие в разгроме казачьего раскольничьего городка на р. Медведице. Далее в 1708 году калмыки заставили Донских казаков (Игнаф Некрасов) снять осаду с гор. Саратова, в следующем 1709 году калмыки приняли решительное участие в подавлении Булавинского восстания против Московской власти. Вместе с тем бывали моменты, когда калмыки и донские казаки с оружием в руках совместно выступали против Москвы. Осада Астрахани калмыками под главенством хана Хо-Орлёка, была выполнена последним из внимания к просьбе донских казаков, возмущенных решением Московской власти относительно Азова. Далее, Емельян Пугачев имел вооруженную поддержку со стороны „... Казанской и Оренбургской губерний народов, башкирских и калмыцких орд“.

Разбирая вопрос о взаимоотношениях между калмыками и донскими казаками в период XVII—XVIII ст. ст., отмечаем, что российская имперская власть учредила особый контроль, к примеру, в 1703 году Петр I вменил в обязанность Азовскому губернатору Толстому производить разбор тяжб и спор между калмыками и донскими казаками. Уже в 1728 году дипломатические сношения Донского Войска с калмыками подлежали контролю ген. Тараканова, обер-команданта Транжаменты (русская наблюдательная крепость на Дону). Опасения российской власти имели под собой определенные основания, если принимать во внимание эпизод, имевший место в период 1684—1685 г. г. В эту пору Польский король при помощи Запорожских казаков переслал калмыкам грамоту с просьбой о поддержке, стремясь найти в лице калмыков союзников в предстоящей войне с турками. Посланцы Польского короля к калмыкам были беспрепятственно пропущены Донскими казаками через территорию Дона. Спустя некоторое время Запорожский полковник Семен Палий обратился с письмом к Донскому Атаману, прося последнего вновь пропустить через территорию Дона новых посланцев Польского короля к калмыкам. Поковник Семен Палий писал следующее: „... как около Днепра будет не добро, так и вам (т. е. донским казакам) худо“, сообразно чему и настойчиво уговаривал Донского Атамана не мешать желающим из казаков и калмыков идти на турок и татар. Московские власти, узнав о вышеприведенном, взяли под подозрение сношения Донского войска с калмыками, следствием чего явился арест царичинским воеводой всего состава зимовой станицы Донского Войска (во главе с Василием Волошениновым) в Калмыцкой Орде.

С установлением формальной зависимости от русской власти, калмыцкий народ подпал под влияние последней, вследствие чего в калмыцкой среде начали иметь место ссоры, интриги и раздоры. Сверх того, бесчисленные военные походы и никогда не прекращавшиеся распри между тайшами (калмыцкие владельцы князья), привели калмыцкий народ к полнейшему упадку и нищете. И стало так, что известное число „скудных“ (обнищавших) калмыков, не желая пребывать далее в зависимости у своих тайш, покинули насиженные места в Поволжье и ушли на Дон. Около 1688 года на территорию Дона прикочевала сравнительно большая группа калмыков, общей численностью до 200 кибиток. Со смертью хана Аюки началась сильная междоусобица между калмыцкими тайшами, каковое обстоятельство еще в большей степени содействовало дальнейшему переходу калмыков на Дон.

Некоторые историки полагают, что те калмыки (переселенцы из Поволжья на Дон) являются предками современных Донских калмыков. Ряд иных историков находит возможным почитать родоначальниками Донских калмыков, калмыков входивших в состав особого отряда, посланного ханом Аюкой в 1710 году на Дон,

в помощь русским войскам в предстоявшей войне с Турцией. В день 5-го сентября 1710 года хан Аюка заключил договор с Казанским и Астраханским губернатором П. Н. Апраксиным, в силу коего обязался отступить на Дон на вечное жительство Менке-Темер-тайшу со всем его улусом (до 10.000 душ). Оные калмыки, принадлежавшие к Дербетовой Орде, были выделены в 1729 году из состава калмыцкого народа и причислены к Донскому Войску. Несколько ранее, именно в 1725 году, Петр I издал особый указ, согласно коему все калмыки уже кочующие на территории Дона, зачислялись в Казачество; сверх того в указе имелась оговорка, определявшая запрещение принимать новых калмыков в Казачество. Калмыкам зачисленным в Донское Казачество, были отведены места для кочевья „по р. р. Салу, Куберле, Гашуну, Манычу до устья Б. Егорлыка, Кагальнику, Ельбузе и речке Бе“.

Много позже (в 1788 году), считаясь с возможностью попасть в казенное ведомство, часть Дербетов поднялась с своих кочевий на Волге и отошла на Дон, где они избрали своим главой Екрема Хапчукова: именно с этого момента состоялось разделение Дербетов на Больших и Малых. Дербеты откочевавшие на Дон, получили наименование Больших, оставшиеся на Волге — Малых. В 1794 году Большие Дербеты были переведены на левый берег р. Волги, но постоянные нападения киргизов, заставили калмыков просить Павла I о причислении их к Донскому Войску и о дозволении отправлять службу наравне с казаками. Таким образом в 1798 году последовало причисление Большой Дербетовой Орды в состав Донского Войска, правда на весьма непродолжительный срок времени. В распоряжение калмыков были предоставлены земли Задонской степи, с предупреждением, чтобы калмыки не перекочевывали за ее пределы. Указом от 1 сентября 1798 года был образован в Донском Войске особый административный орган для управления калмыками, коему и было присвоено официальное наименование „сыскное начальство“. Спустя полгода (16 февраля 1799 года) последовало правительственное распоряжение об упразднении „сысского начальства“ по делам и нуждам Донских калмыков, взамен чего было создано „Особое Правление“, непосредственно подчиненное канцелярии Донского Войска. В том же году была произведена официальная перепись Донских калмыков, установившая наличие 9524 душ мужского пола.

Со смертью (1799 год) Екрема Хапчукова, калмыки начали подвергаться притеснениям со стороны властей, что конечно не могло не оказать известного влияния на их психологию. В частности, решающее значение имел указ Павла I от 11 августа 1800 года, согласно коему калмыки Большой Дербетовой Орды, должны были: 1. произвести выборы начальника, 2. быть в независимом состоянии от Донского Войска, 3. находиться в прямом подчинении от царя, 4. иметь сношения по земельным делам с ген.-прокурором, 5) по всем остальным делам иметь связь с иностранной коллегией. Указ Павла I не получил применения в жизни, т. к. Большая Дербетова Орда откочевала с территории Дона в Астраханские степи. Вновь произведенная официальная перепись кавмыков в Донском Войске после означенного ухода выявила число калмыков в 2262 души мужского пола. С началом 1803 года все калмыки, пребывавшие на Донской территории, были собраны воедино и обьязаны к расселению в долине р. Сала. В том-же году последовал перевод на Дон и калмыков кочевавших в Мариупольском уезде (Чугуевские и Доломановские калмыки), в количестве 406 ревизских душ.

От 26 мая 1803 г. последовало проведение в жизнь вновь разработанного положения об управлении Донским Войском, согласно коему калмыкам были отведены земли, предназначенные главным образом для скотоводства. Положение о размежевании земель Донского Войска (от 31 июня-4 сентября 1838 года) определило административное разделение Земли Войска Донского на семь округов и т. н. „калмыцкое кочевье“ в Задонской степи, насчитывавшее 988.012 десятин удобной земли. „Калмыцкое кочевье“ было разделено на три улуса, улусы на сотни, сотни на хотуны. Для управления „калмыцким кочевьем“ последовало образование

т. н. калмыцкого правления в составе судей, двух заседателей (из войсковых чиновников) и двух депутатов из калмыков (один из состава почетных старшин, другой из рядов духовенства). Согласно положения о поземельном устройстве в Казачьих Войсках от 21 апреля 1869 года, все земли, размежеванные и отведенные станичным обществам, определялись как земли состоящие в ведении (т. е. временном пользовании) станичных обществ, но отнюдь не в полной собственности; положение это распространялось и на Донских калмыков. Сверх того положение о поземельном устройстве в Казачьих Войсках от 21 апреля 1869 года, предписывало постепенно уменьшать количество земли, отведенной калмыкам, дабы тем самым увеличить возможность достатка свободных земель для надела станиц. Предельной нормой для калмыцких земельных участков было предположено считать 40 десятин удобной земли на душу мужского пола для калмыков. Приложение к статье 226 по Прод. 1863 года установило право использования пространственных земель в Задонской степи для целей калмыцкого коневодства. Несколько позднее, именно в 1877 году последовало и точное определение количества десятин земли (167.119 дес.), предназначенных для калмыцкого коневодства.

В конце 1883 года последовало расформирование калмыцкого правления и упразднение „калмыцкого кочевья“, земли коего были включены в состав образцового Сальского округа (указ от 24 января 1884 года), представившего собой 8-й гражданский округ Донского Войска, причем окружным центром была определена ст. Великокняжеская. Управление и наблюдение за Донскими калмыками, а равно и калмыцким коневодством были возложены на учрежденное Сальское окружное полицейское управление. Законом от 13 февраля 1886 года были установлены границы Сальского округа, в состав коего вошли: 1. земли „калмыцкого кочевья“, 2. Манычские войсковые соляные участки, 3. земли Донского частного коннозаводства, 4. войсковые земли по правому берегу р. Сала с казачьими и крестьянскими хуторами. В военном отношении станицы Сальского округа были введены в подчинение окружным атаманам I и II Донских округов (законы от 9 июня 1888 г. и 29 декабря 1886 г.). В судебном отношении Сальский округ был определен в зону действий Новочеркасского окружного суда, а равно поставлен и в зависимость от мирового съезда I Донского округа (при участии мировых судей от Сальского округа). Лишь в 1913 году в Государственной Думе был внесен проект, предусматривавший создание самостоятельного Сальского судебно-мирового округа.

В 1910 году был образован и открыл свои действия в Сальском округе, вновь учрежденный окружной земельный совет. Как результат его деятельности, последовало образование ряда новых станиц и хуторов в Сальском округе.

Наименования станиц Донских калмыков — следующие: Батлаенская, Беляевская, Бурульская, Власовская, Граббевская, Денисовская, Иловайская, Кутейниковская, Ново-Алексеевская, Платовская, Потаповская, Чунусовская, Эркетеевская.

Первая всеобщая перепись населения в России, произведенная в день 28 января 1897 года, установила и численность Донских калмыков, именно, на территории Сальского округа проживало 28.112 душ обоого пола: сверх того на территории II Донского округа было определено немногим более 2 тысяч калмыков, входивших в состав казачьих станиц. О последних калмыках необходимо оговорить, что большая часть из них являлась христианами и совершенно слилась с казачьим населением. Касательно обращения калмыков в христианскую веру, обращаем внимание на указ 1737 года, коим было даровано право старшинам Донского Войска покупать и крестить калмыков. Оносительно дальнейшего движения численного состава Донских калмыков, устанавливается сильное уменьшение численности последних к 1920 году, как результат Великой и гражданской войн, а равно и последующим образованием Калмыцкой Автономной Области, в состав коей была включена и часть Донских калмыков. К концу

1926 года устанавливается наличие 14 тысяч Донских калмыков на территории Сальского округа.

Повестью о калмыцкой культуре, надлежит отметить, что последняя была исключительно религиозной, сообразно чему будет вполне понятной роль калмыцкого духовенства, занимавшего видное место в общественной жизни Донских калмыков. Религией калмыков является буддизм в истолковании Зонкавы, каковое учение известно под термином „ламаизм“ или „желтошапочное учение“, завершившего цикл своего развития к середине XVI ст. Моральной основой психологии калмыков издревле являлась их религиозность, вполне отражавшая собой духовное мирозерцание, базирующееся на понятии любви и сострадания, греха, стыда, пощады жизни каждого существа. Роль калмыцкого духовенства была направлена главным образом в сторону борьбы с руссификаторской политикой российского правительства, веденной последним в отношении Донских калмыков. Большую известность и популярность на этом поприще приобрели религиозные главы Донских калмыков Ламы Аркад Чубанов и Менько Борманжинов. Российское правительство, подвергая насильственной ассимиляции национальные, бытовые и религиозные основы Донских калмыков, оказывало сильное давление на организацию буддийского духовенства на Дону. Ярким примером в указываемом отношении служит тот факт, что до 1902 года Донские калмыки были лишены права иметь своего духовно-религиозного главу т. н. „Ламу (архирея) Донских калмыков“. Лишь в 1902 году калмыки добились своего, благодаря кампании, поднятой есаулом Н. Э. Улановым, одним из видных деятелей Донских калмыков. Статьи Н. Э. Уланова, помещенные в петербургских газетах, а равно и изданная им брошюра „Калмыцкое духовенство и современное положение Калмыцкого народа на Дону“ сыграли большую роль в смысле разрешения для Донских калмыков иметь своего Ламу“. Дабы в полной степени представить мероприятия российского правительства в отношении руссификации калмыков, отмечаем, что наказный Атаман князь Святополк-Мирский закрыл хурулы (калмыцкие храмы) в четырех станицах, арестовав все предметы богослужения, как-то церковную утварь, священные книги и т. д., причем даже пытался строить православные храмы в калмыцких станицах. Любопытным фактом является и то указание, что назначение бакши (но не Ламы!) Донских калмыков зависело исключительно от воли российских императоров!! Лишь в те дни, когда Донское Войско вновь начало самостоятельное существование, наименование „бакша Донских калмыков“ было заменено официальным титулом „Лама Донских калмыков“. Надлежит видеть, что пост Ламы дает не только известные религиозные права, но еще блюдет и большое светское влияние. Памятуя о последнем, российское правительство упорно не желало утвердить в звании „Ламы Донских калмыков“ их последнего духовно-религиозного главу Ламу Меньку Бакеревича Борманжинова, сыгравшего весьма выдающуюся роль в жизни Донских калмыков. Ведя упорную борьбу с обрусением Донских калмыков: только благодаря ему, в школах, где учились калмыки, было введено преподавание калмыцкой грамоты, письменности и буддийского вероучения. К слову сказать, калмыцкий алфавит (письменность) является монгольским (т. н. „квадратное письмо“), будучи разработан и усовершенствован известным ойратским ученым Зая-Пандитой в 1648 году. Вследствие мероприятий Ламы Меньки Борманжинова, число калмыков окончивших единственную городскую школу в Сальском округе (в ст. Великокняжеской), повышалось с каждым годом. Благодаря большой материальной поддержке со стороны станичных обществ, в 1912 году в ст. Великокняжеской было открыто среднее учебное заведение, где обучалось до сотни калмыцких детей. В 1906 году из среды Донских калмыков появились первые студенты высших учебных заведений, именно студент-юрист Бадьма Уланов и курсистка высших женских курсов Данара Уланова.

Между прочим, есаул Н. Э. Уланов в 1898 году в дни приезда в калмыцкие степи военного министра ген. Куропаткина, выступая перед последним по пол-

номочию Донских калмыков, добился благоприятных результатов в облегчении нужд последних. К дням Великой войны 1914-1917 г. г. были кадровые офицеры и из среды Донских калмыков, именно полковник Мангатов (командир 35 Донского п.), хорунжий Тепкин и др.

Повестью о культурном уровне и развитии Донских калмыков, считаем нужным оговорить, что благодаря руссификаторской политике российского правительства, калмыцкий язык оказался в „загоне“, именно остался предназначенным лишь для домашнего употребления, между тем как русский язык захватил все устои административной и культурной жизни Донских калмыков. Оный печальный факт имел следствием невозможность развития калмыцкой художественной литературы. И быть может этим обстоятельством и можно объяснить чрезмерное развитие калмыцкой устной литературы, известная систематизация каковой полностью представить историю калмыцкого народа...

Калмыки, расселившись на отведенных землях в долине р. Сала, тем самым открыли эпоху хозяйственной самостоятельности калмыцкого народа на Дону. Труды Донских калмыков на указанном поприще не пропали даром, чему доказательством служат общепризнанные достоинства калмыцкой лошади и калмыцкого красного рогатого скота. Несмотря на местные суровые условия культура калмыцкой лошади достигла настолько высокой степени, что в смысле выносливости и силы она не имела никакой конкуренции. Мало того, что все сельское хозяйство юго-востока России облуживалось калмыцкой лошадейю, но и ремонт русской кавалерии и артиллерии в громадном большинстве комплектовался за счет калмыцкого коневодства (зимовники Бакбушева, Сельдинова, Шавелькина и др.), считавшегося одним из самых больших в мире. Аналогичное будет сказано и о знаменитом калмыцком рогатом скоте, применявшемся не только как выдающаяся рабочая сила, но и ценившемся особо свойством своего мяса. Донские калмыки перешедшие на оседлый образ жизни, в силу своего трудолюбия, применимости к разного рода условиям и определенных данных к занятию скотоводством, сумели поднять свое хозяйство до известного благосостояния. Так, приблизительно до 50% Донских калмыков являлись обладателями хозяйств, насчитывавших до 2-3 пары быков, 4-6 лошадей, 30-40 голов скота, при заседе от 20 до 40 десятин хлеба. Нередко встречались и крупные хозяева, имевшие заседе от 200 до 400 десятин хлеба, много сотен рогатого скота, до 1000 лошадей, от 2 до 5 тысяч овец.

В военном отношении калмыки были уравниены с казаками, отбывая срок действительной службы в казачьих полках. Принимая участие во всех внешних войнах, калмыки несли весьма тяжкие потери в людском составе. В период революционного движения в России (1905-1907 г. г.), наказный Атаман послал калмыцкие сотни для усмирения волновавшихся рабочих в Донецком округе. Как ни странно, но калмыки были в единственном числе из всех инородцев б. Российской империи, коим российское правительство не разрешало иметь свою отдельную калмыцкую часть. С совершением революционного переворота в России в 1917 году, этот вопрос снова вышел на сцену. Так в Совет Союза Казачьих Войск (в г. Петрограде) поступило ходатайство от Донских калмыков с просьбой содействовать формированию отдельного калмыцкого полка, в каковой предполагалось откомандировать всех калмыков, находившихся в Донских казачьих частях. Совет Союза Казачьих Войск всемерно поддержал ходатайство Донских калмыков, в конечном итоге добившихся согласия военного министра (Вр. Правительства) на формирование отдельного калмыцкого полка. Начало это однако не было проведено в жизнь из-за захвата большевиками государственной власти в России.

С падением гор. Новочеркаска (12 февраля 1918 года) и установлением советской власти на Дону, степи Сальского округа оказались ареной жестокой борьбы между партизанскими отрядами Походного Атамана ген. П. Х. Попова и большевиками. Калмыки, оказав активную помощь Донским партизанам, подверглись жестокой мести со стороны большевиков: совершенно была разгромлена ст. Платовская, сожжен один хурул,

уничтожен ряд калмыцких школ (в том числе и калмыцкий пансион в ст. Великокняжеской), расстреляно много калмыков (среди них находились полк. Мангатов, подесаул Бакбушев и др.)

С освобождением Донского Войска из под власти российских большевиков, в мае 1918 года в ст. Константиновской был сформирован Зюнгарский калмыцкий полк из калмыков ст. ст. Бурульской, Грабевской и Платовской, участников Степного Похода. Этот момент следует быть отмеченным, ибо Донские калмыки впервые за двести лет нахождения в составе Донского Войска, получили право сформировать свой отдельный калмыцкий полк, получивший большую известность за свою доблестную боевую деятельность в борьбе против большевиков. Несколько позднее был сформирован и 3-й Донской калмыцкий полк (из молодых калмыков), вошедший в состав Донской постоянной (кадровой) Армии.

Трагический исход борьбы Казачества с российскими большевиками роковым образом отозвался и на судьбе Донских калмыков, в громадном количестве покинувших родную землю и ушедших на Кубань, а там далее и к берегам Черного моря. Все калмыцкие станции были разгромлены, а ст. Ново-Алексеевская в буквальном смысле слова стерта с лица земли; Батлаевский, Власовский, Грабевский, Денисовский, Иловыйский, Кутейниковские хурулы были сожжены большевиками, не щадившими ни стариков, ни младенцев калмыцкого рода. Не меньшие испытания выпали на долю калмыков, покинувших родные степи Сальского округа: много калмыков погибло на Кубани во время отступления казачьих войск, еще больше на побережье Черного моря, где казачьи армии были предательски брошены... Часть калмыков, брошенных при оставлении гор. Екатеринодара, буквально чудом осталась в живых и основала калмыцкую колонию под гор. Екатеринодаром, существующую и поныне.

Калмыкам, попавшим на Крымский полуостров, пришлось еще раз испытать все тягости и горести эвакуации и дальнейшего пути за границу. В этот период, именно 19 июля 1920 года в Северной Таврии умер от брюшного тифа доблестный полковник Г. Э. Тепкин, выдающийся командир Зюнгарского калмыцкого полка.

В эмиграцию ушло более трех тысяч Донских калмыков, расселившихся по разным странам (Турция, Болгария, Юго-Славия, Греция, Польша, Чехо-Словакия, Франция). Некоторое число Донских калмыков в 1923 году возвратилось обратно на родину, после того как большевики объявили калмыкам амнистию и бесплатную перевозку. Донские калмыки, пребывая в эмиграции, добывают средства к жизни в большей своей части физическим трудом, исключение составили лишь калмыки, обосновавшиеся в Чехо-Словакии, где многим из них, благодаря материальной поддержке Чехо-Словацкого народа, удалось получить среднее и высшее образование. Помимо этого необходимо отметить деятельность Калмыцкой комиссии культурных работников в

Ч. С. Р., заботами и стараниями коей изданы три выпуска калмыцкой хрестоматии „Хонхо“, калмыцкая история проф. Пальмова, калмыцкая грамматика проф. Котвича и др.

Калмыцкая колония в гор. Белграде при поддержке всей калмыцкой эмиграции, а равно и иностранцев выстроила в 1929 года в общине Малый Мокрый Луг (периферия гор. Белграда) первый Буддийский храм в Западной Европе.

Выдающимся моментом в жизни Донских калмыков эмигрантов надлежит считать издание периодических печатных органов, именно рукописный журнал „Ойрат“ (выпущен один номер в 1924 г.), а потом размножен в Югославии, „Улан-Залат“ издание Калмыцкой комиссии культурных работников в Ч. С. Р. (№ 1 в 1927 г., № 2 в 1928 году, № 3 в 1930 году, первые два номера изданы типографским способом). В конце 1932 года в Юго-Славии вышел рукописный журнал № 1 „Мана санан“ (Наша мысль) на калмыцком языке. Особо отмечаем журнал „Ковыльные Волны“ (вышло пять номеров) являющийся официальным органом калмыцкой национальной организации „Хальмак-Тангачин-Тук“, поставившей за главную задачу „борьбу и освобождение калмыцкого народа, совместно с Казачеством, от власти другого народа“, „содействие установлению независимого Казачьего государства из Донского, Кубанского, Терского и др., основанного на началах народопрательства, одной из составных и равноправных частей которого (государства) должен быть и народ Калмыцкий“.

Заканчивая настоящий краткий исторический очерк о Донских калмыках, отмечаем, что в день 4 ноября 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров в г. Москве постановили „образовать автономную область Калмыцкого народа“. Несколько недель спустя, именно от 25 ноября 1920 г. последовал декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, согласно коему в состав автономной области Калмыцкого народа была включена „из Донской области часть территории Сальского округа, связывающая Больше-Дербетский улус с основной территорией Калмыцкой области и расположенная между губернскими границами Ставропольской и Астраханской губ. и паралельно 46°30' южной широты от Пулковского меридиана“. Перепись от 17 декабря 1926 года установила на территории Донского Войска наличие 14.100 калмыков-казаков...

Настоящий скромный труд о „Донских Калмыках“, является первым систематическим последовательным описанием жизни Донских калмыков. Пусть не осудят братья калмыки, если допущены какие либо пропуски в их историческом процессе развития на Дону, т. к. история Донских калмыков совершенно не разрабатывалась ранее, сообразно чему составление настоящего очерка потребовало слишком много усилий и кропотливой и изыскательной работы.

Др. Э. Хара-Даван.

Создание наций.

(Из труда автора „Национальный вопрос“).

Между расой и нацией существует глубокая разница. Раса определяет физический облик человека, его анатомические и морфологические особенности, которые неизменно передаются из поколения в поколение. Раса создается влиянием среды на человека, а нация влиянием людей друг на друга. В то время как раса имеет давность около 700 тысяч лет, современные европейские нации имеют только тысячу лет. Расовые признаки по наследству передаются, а национальные — нет. Нация и народность суть одинаковые понятия. Нация есть общность характера. Национальный характер изменчив в продолжении известного времени. Унаследованные качества какой либо нации есть не что иное, как осадок ее прошлого, ее „застывшая история“ по

выражению Отто Бауэра. Нация есть продукт истории и естественной и культурной общности.

Наличие и сочетание следующих признаков определяют сущность национальности: общий язык, история, религия, территория, как географическая среда, быт, нравы, обычаи, национальный характер и особый склад национальной души, менталитет. Все эти признаки недавнего происхождения, потому подвижны и отделимы друг от друга.

Из них более постоянен язык, считающийся потому душой народа, хотя известно, что евреи говорят на разных языках, не имея своего, а северо-американцы говорят на английском языке, будучи отдельной от английской нацией, в то же время швейцарцы говорят на

трех языках, будучи одной нацией. Эти примеры доказывают, что общность языка, религии и происхождения не значат еще, что данная группа народа не имеет права на создание своей национальности и организации своего государства, если она имеет свою территорию, свой быт, нравы, особый склад души (менталитет) свою историю и сознают, что они, не похожие на других, отдельный народ, то есть соборная личность.

На этом основаны стремления к национальной независимости украинцев, белорусов и казаков. В этом, очевидно, существенную роль играет различие национального характера, куда относятся особый склад воли. Различные нации имеют различные представления о вещах и разные критерии оценки их: различны у них понятия о справедливости, нравственности, приличии, красоте, а также религиозные представления. Одинаково действующие причины создают одинаковые характеры. Нация есть общность характера выработавшегося на почве общности судьбы.

Итак, нация не есть нечто застывшее, раз навсегда данное, а на нее надо смотреть как на непрерывный процесс формирования в борьбе за существование и за продолжение рода. Сущность исторического воззрения может быть выражена в отрицании абсолютного и признании прогресса. Историческое воззрение утверждает, что нации находятся в состоянии непрерывающегося развития. Что представляют современные нации с исторической точки зрения? Они в наше время представляют один из моментов общего развития истории народа при данных условиях места и времени.

Задача науки, вооруженной историческим методом, заключается именно в определении того, какой момент наше время, по своему характеру и условиям, составляет в общем ходе развития народа.

Нация не есть сумма индивидуумов, а социальное явление. Индивидуум же есть продукт нации. Общность характера это не простое сходство индивидуумов одной и той же нации, а то, что характер каждого индивидуума находился под воздействием одной и той же силы. Эта действующая сила в нас есть историческое и национальное, это и есть то, что сплачивает нас в нацию.

Элементы нации в виде системы представляют следующее: общая история, как действующая причина, общая культура и происхождение, как ее факторы, общий язык в качестве посредника общей культуры, как ее продукта и творца в одно и то же время. Территория, как и язык, необходима, конечно, для создания национальности.

Ни один из приведенных элементов нации не является неотъемлемым и необходимым признаком национальности, но то или другое сочетание их необходимо, чтобы была налицо национальность.

Мы перед этим утверждали, что происхождение расы измеряется временем около 700 тысяч лет, а происхождение национальностей — последним тысячелетием. Теперь также можно установить два неравных периода: длительный период, когда национальность создается, и короткий период, когда национальность создается. Длинный период создания национальностей касается их происхождения в обстановке древнего общества, сложившегося стихийно и сдерживаемого суровой дисциплиной религии и вождей, которые и являются в этот период факторами образования национальности, а развитие самосоздания национальности происходит в новом обществе, основанного на началах свободной критики и общественного участия в государственном управлении т. е. с XVIII и XIX века.

Для образования национальности, как мы раньше утверждали, необходимы наличие и сочетание элементов: общий язык, история, религия, территория, как географическая среда, быт, нравы, обычаи и национальный характер, как фактор психический. Но сумма этих признаков, плюс людская масса, еще не есть национальность, она формируется синтетически лишь в результате долгого взаимодействия этих признаков на людскую массу. Происхождение национальности есть процесс социологический. Каждый человек, взятый сам по себе, принадлежит к определенной национальности, но в человеке нетронутым еще культурой национальные его

черты находятся в зачаточном, зоологическом состоянии.

Только в исторической жизни народа они получают определенность, устойчивость и видимую форму в учреждениях, правах, верованиях и литературе.

Наследственные черты делаются устойчивее, благодаря наследственной передаче постоянных влияний физической среды на народ в его исторической жизни. В быте, семейной жизни, форме собственности, роде занятия, форме общественного управления, в национальной песне, музыке, истории и религии — везде и во всем национальность выявляет свой тип, нравственный и политический уклад, воспитывает его в известном направлении, служит для него обильным источником вдохновения и разочарования, радости и горя, гордости и унижения. Каждый невольно сознает, что только в общении с своим народом он есть нечто самобытное и творческое.

Попробуйте оторвать человека от его народа и вы увидите, как иссякнут самые живые силы, самое могущественное творчество.

Народность действует воспитательно на человеческую личность, потому что она сама есть собирательная и нравственная личность. Народная личность определяется теми особенными чертами, которые выражаются в народном типе.

Национальность может состоять из многих ассимилированных племен, подобно европейским нациям. Народность составляется из племен. Язык является главнейшим признаком народности. У европейских народов после долгой исторической работы, после первоначального разнообразия диалектов, является центральный язык с своей национальной литературой. Исключение для Европы составляет Швейцария, где одна нация говорит на трех языках.

Под влиянием исторической жизни вырабатывается национальный тип, где воплощена одна какая-нибудь сторона общечеловеческих стремлений, свойств ума или фантазий. Для сохранения и защиты этой самобытности, нравственного «я» — народ стремится создать свое государство и для этого способен идти на жертвы, лишения и отчаянную борьбу. Каждый народ ищет средства обеспечения своей самобытности в политической независимости, так как без этого он утратит самостоятельность своей культуры и усвоит чужую, то есть, он ассимилируется денационализируясь, утратит свою личность и откажется от своего исторического развития.

Основные элементы нации в восходящей степени суть: семья, род, племя и народ. Из тьмы веков человечество прошло все эти фазы социологического развития, чтобы стать современной нацией.

Кочевые народы Азии и Африки и теперь живут родовым и племенным бытом, в то время как этот быт изжит оседлыми народами, хотя это зависит не от степени развития или сознания этих народов, как утверждают большинство европейских ученых, а от влияния физической среды, где живут кочевники и оседлые. Решающую роль в этом играет географический и геологический фактор. На плодородной почве народы оседают, а на травянистых степях и пустынях, где почва негодна для культурных злаков, народы кочуют. Движущим стимулом здесь служит приспособление к физической среде, наибольшая выгода при наименьшей затрате сил и средств.

Влияние физической среды существенно не только для рода занятия, но и на образование национальности. Процесс образования народности подчинен закону образования рас, языков и зависит от условий физической среды, то есть, от географических, геологических, ботанических, климатических особенностей страны; он находится в тесной зависимости от образования экономического быта страны, от разных комбинаций в распределении занятий, от распределения богатств и зависящего от этого разделения общественных классов.

Происхождение физических однообразий, передающихся по наследству в данной местности, есть влияние физической среды на человека. Объяснение цвета кожи народов под влиянием солнечных лучей мы привели раньше. Факт акклиматизации переселенцев в непривычных для организма климатах подтверждает нас в

этом. Европейцы, переселившиеся в Америку, создали новую американскую нацию, отличную от их прежней, с новыми чертами, происшедшими под влиянием социального общения и физической среды. Не приспособившиеся к новым условиям гибнут. Так, в Америке гибнут северные европейцы, а южные приспособляются. Японцы не могут жить севернее 50 градусов широты на севере.

Так происходит естественный подбор рас в данной физической среде, причем приспособившиеся выживают и передают в потомство приобретенные новые черты, которые и прогрессируют далее, а не приспособившиеся гибнут. Этим определяется общий облик будущих национальностей.

Поверхность земли (горы или равнины), почва (черноземная), климат (сухой или влажный), ветры, количество дождевых осадков — все это влияет на фауну и флору, на человека и род его занятий.

Ход мировой истории и культуры определяется в значительной степени распределением на земле естественных географических зон. Зона тропического леса, пояс песчаных пустынь, полоса травянистых степей, опоясывающая весь земной шар, далее, область влаж-

ных северных лесов, наконец, полоса тундры, — фатально предопределяют тип национальностей, населяющих эти зоны. С одной стороны наличие теплого климата освобождает от забот о прочном жилище, одежде, отоплении и дает непрерывность в обработке земли под культуру, а с другой — наличие дешевой и обильной пищи — риса, маиса и фиников обуславливали образование древних культур индо-китайской, индийской, китайской, сирийской, египетской и затем греко-римской.

Физическая среда влияет не только на физические свойства данной нации, но и на его психические свойства и на национальный характер. Так, южане от северян значительно отличаются темпераментом. Это заметно даже в одном государстве, например, во Франции, Германии и России.

Но все же физический облик нации создается географической средой или влиянием природы, а психические свойства нации формируются социальным общением и подражанием, которые имеют выдающееся значение, как могущественный психо-социологический фактор в создании нации.

(Окончание следует).

Шамба Балинов.

Ловкачи и комбинаторы.

В „высшем“ казачьем кругу Парижа происходят интересные „события“.

Всем известно, как много лет подряд в этом кругу с достаточной ловкостью и не меньшей пользой для себя оперировал маркой „общественной организации“ под именем „Казачий Союз“, единственный член „выборного“ правления и бессменный глава которого, Н. М. Мельников, так успешно оспаривая лавры у бессмертного гоголевского героя, Чичикова, с соответственным апломбом все это время выдавая себя законным представителем и главой 150-ти казачьих общественных организаций. Существующий в этом кругу нрав, установившаяся в нем общественная мораль ничуть не противоречили фальсификации общественного мнения. Там и теперь продолжали бы оперировать „мертвыми душами“, если бы была надежда от этой „операции“ и дальше извлекать хоть какие нибудь выгоды.

Но с течением времени стало очевидным, что подобная „операция“ впредь им не будет приносить никакой пользы, а с другой стороны, обнаружилась опасность остаться в изоляции, окончательно оторваться от казачьей массы, в связи с развивающейся работой В. К.

Вот эти причины и заставили главарей этого круга попытаться перестроиться на новый лад, рассестись в ином порядке, скомбинировать иную форму пускания пыли в глаза казакам.

Начали с того, что первым долгом ухлопали свой старый „Казачий Союз“, сделать что не представляло особенной трудности: спрашивать разрешения на упрямление было не у кого. Только нужно было, чтобы сямонизначенный председатель его, своей персоной изображавший весь Союз, все правление, самоотрешился, что он и сделал. „Я тебя породил, я тебя и убью!“

Но им, фактически убившим свое детище, надо было спасти и свое лицо, а главное, надо было каким нибудь способом обелить Мельникова, который, после скандального взаиморазоблачения между ним и пр.ф. Марковым, был уволен в отставку и у которого не оставалось никакой надежды, хотя бы путем фальсификации выборов, прийти куда нибудь.

И вот главное действующее лицо этой игры „в общественность“ решило, путем своего „монаршего“ манифеста, создать какой-то „высший, надпартийный“ казачий орган под именем „Казачий Совет“. куда и назначило несколько своих сторонников, в том числе и Мельникова, человека, по его же собственному публичному признанию, обанкротившегося во всех отношениях.

А председательствование над этим „высшим орга-

ном“, само собой разумеется, „беру на себя Я“, Божией милостью и проч.

А кто истинный повелитель этого „высшего казачьего органа“, явствует из самого его состава: из шести членов этого самого „Казачьего Совета“ пятеро — Богаевский, Мельников, Малышенко, Хорошкин, Акулинин — являются членами „Русского Комитета“, в котором, помимо этих пяти казаков, заседают еще 39 настоящих русских зубров. А так как „Русский Комитет“ есть детище „Обще-Воинского Союза“ с помещью „Торгово-Промышленного“, то главной и священной обязанностью этого новоиспеченного „высшего казачьего органа“ является на всех казачьих перекрестках трубить и в темные казачьи головы вбивать, что счастье и благополучие Казачества зависит только от хозяйской милости „Единой, Неделимой“.

И не без основания, из глухой французской провинции, один казак, „осчастливенный“ извещением о создании этого „высшего казачьего органа“, с глубокой иронией и горечью пишет: „Казак, значит, можно поздравить с непростительной глупостью, благоприобретенной на частых за последнее время балах с танцами. Танцуй, козаче, и дальше, авось, до чего нибудь и дотанцуешься“.

А рядом с этим, чтобы успокоить некоторые беспоконные элементы, желавшие соблюсти хотя бы видимость выборов, ген. Богаевский милостиво разрешил им поупражняться немного по части „общественной работы“. Для этого он предложил некоторым (только некоторым!) казачим „общественным“ организациям города Парижа прислать к нему по два делегата для какой то не совсем ясой цели. А эти делегаты, собравшись в один прекрасный день, в свою очередь от себя уже выбрали новых делегатов куда-то. А эти последние, собравшись, объявили себя „вр. правлением“ несуществующего „Казачьего Союза“.

А председательствование и в этом союзе опять таки „беру на себя Я“, Божией милостью ген. Богаевский. Боже мой! Как эти люди одержимы желанием не дело полезное казакам делать, а только следы своих деяний от суда казачьего скрывать, пуская такого туману в глаза казака, наворачивая одно непонятное дело на другое, что и сам черт в нем шею свернул бы...

Ну, Бог им судья!

Я взялся писать эту заметку не для того, чтобы говорить о новом эмигрантском „монархе“, а только для того, чтобы довести до сведения казаков, читателей „В. К.“, об одном приеме работы, об одном странном способе зазывания к себе казаков этого самого „вр. правления“.

Дело в том, что это „вр. правление“ командировало проф. Маркова для совершения турне по Франции.

Что говорил в своей лекции в других местах Марков, не знаем, но вот он 14 мая читал свой доклад в Мондевиле. И вот казак оттуда спрашивает, что значит сей сон, т. е. доклад Мдркова, и просит раз'яснения.

Оказывается, Марков в своем докладе сказал ни больше ни меньше, как следующее:

1. теперь „Богаевский и Казачий Союз пойдут по новому пути“.

2. „Казачий Союз стремится к соглашению с Вольным Казачеством“;

3. „в правление Казачьего Союза вошли и вольные казаки и это правление сейчас занято подготовкой созыва Общеказачьего С'езда“.

В оправдание такой „новой тактики“ новорожденного Казачьего Союза Марков привел следующие, по его мнению, бесспорные положения:

1. „Казачество при первом удобном случае отделится от России“;

2. „он, Марков, уверен, что Россия будет разделена“.

А в обоснование этих своих положений он, Марков, „говорил много такое, что мы и сами знаем“, — заключает свое письмо этот казак.

Что можно сказать по поводу такого трюка почтенного профессора? Ибо у меня нет никаких оснований не верить письму этого простого, хотя и не умеющего писать ученые доклады, но отлично понимающего, что ему говорят, казака.

Можно только сказать, что вольные казаки Парижского района, тем более все В. К., абсолютно никакого отношения не имеют к этому „Казачьему Союзу“. И не могут иметь по той простой причине, что главной целью этого „союза“ и всей искусственной шумихи вокруг него является борьба с В. К., „удар“ по вольным казакам.

Пусть все вольные казаки, живущие в пределах Франции, знают это и пусть не верят всем словесным джигитовкам путешествующих лекторов из окружения ген. Богаевского.

Пусть знают, что с лицами, изо всей силы тянущими казаков к стопам Миллера, Гукосова, Милюкова, Керенского, Беседовского и пр., и пр., у вольных казаков не может быть ничего общего.

Пусть знают, что изо всей этой затеи превосходительных казачьих вождей ничего путного выйти не может, ибо у них над всем остальным довлеет желание — как можно скорее привести казаков в покорность разным российским „вождям“ (да не знают, как это лучше сделать), но, казаки не лыком шиты, уже понимают — откуда какой ветер подует, обвести себя вокруг пальца не дают.

А то, что в этом „высшем“ круге происходит сейчас, можно лучше всего охарактеризовать словами Крылова:

... „Пуще прежнего пошли у них раздоры

И споры

Кому и как сидеть“.

25 мая 1933 года. Париж.

На темы дня.

Передо мной лежат русские и казачьи газеты и журналы за несколько лет... Имеются и московские (советские)...

Еще и еще раз просматриваю этот материал, характеризующий проявления человеческой мысли. Вчитываюсь, вдумываюсь, желая уловить те мысли, те идеалы, ради проповеди и защиты которых издаются эти газеты и журналы... Ведь столько крови, алой человеческой крови уже пролито и к новой крови, к новой борьбе зовут людей эти газеты и журналы... Стараясь уловить и понять те методы борьбы, которые применяются руководителями различных политических направлений и национальных движений. Хочется установить духовный облик претендентов в вожди...

Кто руководит русскими людьми?

— Там —

... Присматриваюсь к вождям России по обеим сторонам границ. И что же вижу? —

„Искони православной, богоносной“ как ее называют истинно русские люди, Россией фактически правит безбожник, интернационалист грузин Джугашвили-Сталин... (Говорят, что народ имеет таких правителей, каких заслуживает). Возле Джугашвили сидят: Орджоникидзе, Микоян, Каганович и им подобные „русские“ люди... Эти правители выступают перед огромными собраниями русских людей и эти люди горячо аплодируют своим вождям...

На международных собраниях в Женеве современную Россию представляет еврей Литвинов. На днях Джугашвили-Сталин вытянул из архива на свет Божий снова еврея Зиновьева и назначил его заведующим немецкой секцией III интернационала. Русскими войсками на Дальнем Востоке командует Блюхер... И г. д. и т. д.

— Здесь —

Во главе Русского Общевоинского Союза генерал Миллер... Во главе Союза Младороссов — русский, конечно, Казем-Бек...

Представителем Е. И. В. (надо читать так: его императорского величества) в Чехословацкой Республике является генерал Шаллинг...

На одном из Младоросских собраний, в Праге в

1932 году заседает „прибывший из Шанхая лейт. Н. А. Вильгельминин“ („Казачий Набат“, номер 6).

Итак: Джугашвили, Казем-Бек, Миллер, Блюхер, Шаллинг, Вильгельминин, Орджоникидзе, Микоян, Каганович — вот вожди и организаторы русских сил там и здесь...

Все заывают, всем казаки „должны“ служить.

На первой странице казачьего журнала „Казаки за границей“, издаваемого Штабом Донского Корпуса в Болгарии (март 1932-март 1933) помещен „Приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу, 1-го января 1933 года“. Приказ подписан генералом Миллером.

Этот генерал Миллер поучает русских людей не терять веры „в неизбежное возрождение России... Миллер призывает русских людей быть попрежнему „твердыми и сильными“...

Недавно русской военной эмиграцией руководил генерал Врангель, идеологом его был Петр Бернгардович Струве. А теперь — Миллер...

За тринадцать лет пребывания на эмиграции друг-о не нашли...

И все зовут к себе казаков...

Именующий себя Донским Атаманом генерал Богаевский выпустил недавно в свет худосочный, объемом и содержанием весьма бедный, журналчик „Казак“... И в этом журналчике генерал Богаевский глубокомысленно пишет: „Пока мы, казаки, за границей — необходимо поддерживать добрые отношения с Русским Обще-Воинским Союзом“...

По мысли „отца-атамана“ надо поддерживать генерала Миллера...

Мысль невольно переносится к кровавым событиям недавнего прошлого, к 1919 году... Все проходит перед глазами, как будто все это было вчера... На протяжении долгих 1918 и первой половины 1919 годов в кровавых боях казаки освободили Дон, Кубань, весь северный Кавказ... Сколько погибло в этих боях лучших сынов Казачьих Земель, сколько осталось по-них сирот и вдов!.. На сколько миллионов уничтожено казачье имущество!..

Деникин объявил 2-го июня „поход на Москву“ — тот самый Деникин, который сам признает, что рус-

ские большевистские армии организовали русские генералы генерального штаба... Эти „красные“ генералы под руководством еврея Троцкого бросали на Казачьи Земли десятки и сотни тысяч русских людей, организованных в полки, дивизии, корпуса...

А в это время — 14 июня — русские люди убили кубанского казака, председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола. Убили подло, из-за угла, ночью в городе Ростове, на территории Войска Донского, во время атаманства генерала Богаевского.

И этот генерал и Донское Правительство дали кубанцам торжественное обещание быстро и строго расследовать дело и наказать виновных.

Ведь храбрые, неизмеримо доблестные кубанские казаки дрались на фронте, защищая и прикрывая Дон с запада и востока... Ведь эти казаки и в 1917 и в 1919 годах избивали Николая Степановича Рябовола в председатели Войсковой и Краевой Рады!..

Судебным следствием было установлено, что убийцы вождя кубанского Казачества, Н. С. Рябовола, перед самым убийством ездили в черном автомобиле начальника снабжения Добровольческой армии...

Итак, убийцы Рябовола ездили на служебном автомобиле начальника снабжения Добровольческой армии.

Ну и что же? Как Донской Атаман, генерал Богаевский, исполнил свое слово, публично им данное, о самом строгом расследовании „дела“?

Генерал Богаевский, используя свое положение главы Донского государства, приказал дело об автомобиле начальника снабжения Добровольческой армии из судебного следствия и судебного разбирательства изъять. И оно было изъято. Убийцы председателя Рады и соучастники этого подлого убийства на скамью подсудимых не попали.

Донской Атаман своего слова не сдержал. В наблевшую, глубоко оскорбленную и возмущенную душу кубанца плюнули!..

И многие другие факты толпятся передо мною... Факты страшные из недавнего прошлого...

Теперь генерал Богаевский пишет, что будто бы и кубанцы должны входить в состав Русского Обще-Воинского Союза, и донцы, и терцы...

Надо бы сначала объяснить кубанцам и всем казакам, почему „дело об автомобиле начальника снабжения Добровольческой армии было изъято“...

У Младороссов имеются свои „казаки“. Вот в журнальчике „Казачий Набат“, издаваемом младороссами, читаем, что „распоряжением за номером 23 по Союзу Младороссов, председателем Совета и руководителем Казачьего Центра назначен Старший Младоросс Полковник д-р Г. И. Чапчиков“...

В номере 6 „Казачьего Набата“ этот молодой „вождь“ из пожилых казаков высмеивает „мысли и пожелания генерала Миллера“.

Госп. Чапчиков пишет: „Всякий, познакомившийся с „мыслями-пожеланиями ген. Миллера“ и их судьбой, с невольной грустью вынужден, не колеблясь, признать, что с таким Главнокомандующим бороться с большевиками нельзя. С таким Главнокомандующим можно только... возжигать лампаду“.

Богаевский зовет к Миллеру, а „председатель казачьего совета“ при самом монархе смеется над Миллером и заывает к себе.

Этот полковник так прямо и пишет: „Они (казаки) царскому величеству послушны и на всяких Государевых недругов стоять готовы“, или: „Совет Казачьего Центра ставит своей задачей объединить все живые силы казачества под историческим российским знаменем природного и законного государя императора Кирилла“... Или: „Младороссы — этот боевой активный авангард всего великого дела государева“... Или: „Послужим Государю хорошо, и тем исполнится высшая воля Провидения“...

Читаешь этот бред и руками разводишь. До чего люди морально опустились, потеряли казачью совесть и честь, чтобы писать такие благоглупости... В прошлом году все газеты писали о маниях, злобном, огра-

ниченном, психически ненормальном человеке — Горгулове. Этот преступник тоже говорил и писал о том, что он исполняет волю какого то „Провидения“, что он призван спасти Россию и т. д.

Сравните с писаниями Горгулова, печатаемые в журнале „Набат“, например, передыца в номере 3 этой газеты-журнала заканчивается такими словами „Слушайте все и разумеете: Вековое Казачество, верное заветам дедов, будет и ныне служить только Богу и Государю. И никому больше“...

А они эти „вожди“, явятся как бы носителями воли (подумайте!) самого Провидения.

Словом: Разумеете языцы!..

Голос истинного Казачества для этих господ не обязателен. Ведь там, дома, на родной земле, собирались истинные народные, законные представители Казачества. Они думали казачью думу и „всенародною душой“ выносили свои постановления. Вот Кубанская Краевая Рада 13-го февраля 1919 года приняла единогласно и такое постановление:

...„Проповесть устную и печатную, как большевизма так и монархизма... признать преступной и подлежащей действительному прекращению путем принятия самых строгих мер и издания соответствующего закона, карающего пропаганду и агитацию в пользу большевизма и монархизма...“

Так сказала Краевая Рада, состоявшая более чем из 500 представителей Кубани. Представителей законных, действовавших на родной земле, в родной обстановке..

Большой Донской Войсковой Круг единогласным постановлением своим в 1918 году выбросил из своего гимна слова, говорившие о монархе... Тогда же на Донском Войсковом Круге казаки горячо и единодушно протестовали против издания на Донской Земле газеты „Часовой“, проповедывавшей монархизм...

Но разве эти постановления действительных казачьих представителей обязательны для г.г. Чапчиковых и им подобных! Ведь эти люди исполняют, ни мало ни много — волю самого Провидения!..

Несчастливые люди, бедное это самое Провидение!.. А может быть все это проповедует устно и печатно не по воле Провидения, а по попустительству его?..

Младоросская шумиха и путаница.

Казаков зовут поддерживать т. н. младоросское движение...

Вчитываюсь внимательно в писания младороссов, помещаемые в газете „Искра“ и в „Казачьем Набате“, ищу программы государственного строительства... И что же? Выкрики какие то, брань по адресу противников... Какие-то неграмотные повторения науки фашизма!.. Все это непродумано, очень хаотично... Хотя и очень претенциозно. Одна поза без содержания!..

Спросите младороссов, какую Россию они собираются строить? Как они думают разрешить национальный вопрос?..

В одном месте младороссы пишут: „Младороссы представляют и Русскую идею, и Русскую силу, и Русское будущее“... и что они хотят „в кратчайший срок осуществить Русскую Национальную Революцию и утвердить Русскую национальную государственность“ (Искра, номер 29). В другом месте, подражая большевикам, лепечут какую-то бессмыслицу о „величественном силуэте будущей союзной империи“ („Казачий Набат“, номер 5). В третьем месте пишут о федерации народов России („К. Набат, номер 6).

Так что же: Русская национальная государственность, или Союзная Империя, или Федерация?..

В последнем номере „Казачьего Набата“, (за 1-ое июня с. г.) младороссы договорились до того, что дело, оказывается, идет уже „к всемирной национальной революции“...

Большевики русские осуществляют всемирную революцию коммунистическую, а младороссы тоже хотят не отставать и обещают обязательно (набрано, ведь, жирным шрифтом) осуществить всемирную (подумайте только: в с е м и р н у ю) национальную революцию!..

Просто страшно делается, дрожь по коже идет, ибо младороссы двигают на нас всемирную и националь-

ную... А они, ведь, исполнители воли Провидения, которое так просто и тянет „природных казаков к природному царю“ через полковника Чапчикова!

И не в том беда, что „тянет“, а в том, что от этой дороги никак нельзя уйти, ибо Провидение и т. д. Это самое Провидение не дает большим душам покоя!..

А глава Романовской династии, первый кандидат младоросский на русский престол, вдруг в 1933 году делает открытие — „настало время“ — и т. д.

Читаешь все это, сопоставляешь, думаешь и приходишь к выводу:

„Не все в порядке на младоросской вышке“...

Очевидно, молодой А. Л. Казем-Бек не все продумал хорошо, а казаки молодые политики преклонного возраста „не спросивши броду — сунулись в воду“ и потопают... Простого на глазах живых людей тонут...

Куда зовут казаков младороссы?

Русская т. наз. демократическая общественность отбросила все младоросское движение в сорный ящик. Ну, а русские правые круги?

Раскрываю газету „Возрождение“ за 25 мая 1933 года и читаю там сообщение о том, какое просто трогательное единение царит среди „молодых сил русского народа“.

В Париже с докладом выступает глава младороссов Казем-Бек. Оказывается Казем-Бек и его Союзом Младороссов, несущим на своих плечах просто таки спасение всей России и всем народам, ее населяющим, недовольны представители Имперского Союза и Союза Нового Поколения.

Ну, а кто же их возглавляет, эти имперский и нового поколения Союзы? Газета „Возрождение“ пишет, что Союз Нового Поколения возглавляет герцог Лейхтенбергский. Только подумайте — русский человек герцог Лейхтенбергский!..

Так вот: Казем-Бек, Шиллинг, герцог Лейхтенбергский, Миллер...

Итак, младоросский апостол Казем-Бек делает в Париже доклад. Народу русского собралось видимо-невидимо...

И вдруг, как пишет „Возрождение“:

„... Неожиданно началась драка. С трибуны представлялось такое зрелище: сбившись в кучу, человек сто, не менее, кричащие, бьющие друг друга...“

А. Л. Казем-Бек звонит... произносит дерущимся речь, призывает успокоиться. Но успокоения нет, драка продолжается... И вот у входа произошла новая драка, уже принявшая совершенно небывалые размеры... Драка прекратилась лишь тогда, когда прибыл автомобиль с полицейскими... Сколько было раненых, установить труд-

но... Было разбито несколько стульев и свален огромный, стоявший в зале, бюст какого то французского ученого...“

Такая милая, ну просто сердечная встреча произошла у Союза Младороссов с Союзом Нового Поколения и с Имперским Союзом!

Таковыми европейскими культурными приемами убеждают друг друга последователи русского Казем-Бека и русского герцога Лейхтенбергского.

Вот я и думаю себе. Ну, а если-бы нельзя было вызвать на помощь французскую полицию, чем-бы окончилось это сердечное, дружественное собеседование русских людей на парижском олимпе?

Что-то не слышно было, чтобы у казаков на станичных сборах были такие мирные разговоры.

А Богаевские, Чапчиковы и другие „водители“ зовут казаков к поддержке русских людей, которые „спасут казаков“...

Боже, спаси и нас от таких попутчиков и союзников! Они претенциозны, это правда, и самомнения у них много, и это верно. Но, не с ними Казачеству по пути.

Император младоросский, Кирилл, (это не тот-ли, что с красным бантом летал по Петрограду в марте месяце 1917 года) начал громить большевиков из теплого и сытного С. Бриака во Франции прямо манифестами.

Послушайте, что он пишет:

„Настало время громогласно обвинить вас, правители России, перед лицом всего мира“. (Из манифеста, выпущенного 26-го апреля 1933 года и напечатанного в „Казачьем Набате“ в № 7, от 1-го июня 1933 года).

Итак, глава Романовской династии, Кирилл, которого так горячо хотят поддерживать младороссы, в 1933 г. подумался до того, что „настало время громогласно обвинить“ большевиков. Это просто шедевр политического такта и находчивости. Подумайте только. С 1917 и до 1920 года непрерывно лилась кровь в вооруженной борьбе с большевиками... Сколько было фронтов противобольшевицких — Северный, Западный, Сибирский, Южный и т. д. и т. д. В боях принимали участие стотысячные армии с обеих сторон.

Уже после того бойцы пребывают добрых 13 лет на эмиграции, а сколько убитых, замученных, сосланных там — в СССР!

А глава династии только в 1933 году пишет, что „настало время громогласно обвинить вас, правители России“...

Да где были до сих пор те, что писали этот манифест? Что они делали, какой идее служили?

Старый козак Иван Будяк.

Думы и мысли.

Ив. Томаревский. (Болгария).

Памяти Б. Кундрюцкова.

Что поэта вдохновляло,
Как казачьего певца?
Петь печально заставляло?
Почему он прожил мало?
Аль не вынесла душа?

Да, невынес он невзгоды
Своих братьев казаков,
За страдания народа
В молодые сгорел годы —
Отдал душу им и кровь...

Вспоминаючи бывшее
Всею радостью души,
Все же мучился он вдвое
За казачье лихо-горе
В свои краткие часы.

Знал он — Русь что совершила
И творит еще сейчас...
Его сердце не мирилось,
А страдало, болью билось
И от боли он угас...

Вдохновенно пел он песни,
Братьев к воле призывал,
Но при слабости телесной
Его духу было тесно
И в борьбе он рано пал...

Пояннем же мы поэта
И собрата казака...
Его песня недопета,
Но звучит она заветом
Нам бороться до конца

За свободу Казакии,
За традиции свои;
Жить без ига — лап России,
Как во дни велось былые
На родно своей степи.

Тебя то тут и ждали!..

Вышел в свет от русского мужика Богаевского журнал № 1 под названием „Казак“. И не стыдно же ему употреблять все светлое и гордое имя казака. Я не стану касаться содержания этого издания, оно просто мне противно уж по одному тому, что исходит от лица, которое вместо того, чтобы свято блюсти казачье имя по данной клятве перед животворящим крестом и Св. Евангелием, изменило Казачеству и по сие время имеет дерзость называться вождем того славного народа, имя которого обесчестило своей изменой.

Неужели этот неудачник не может понять, что он своим пожизненным пребыванием на посту атамана и своими выступлениями в защиту „матушки единой неделимой“ всем нам опостылел, надоел.

При появлении новоявленного журнала „Казак“ я вспомнил один случай, имевший место в церкви моей станицы во время литургии.

Дьякон Васильев был 80 летний старик, из-за отсутствия зубов служил неразборчиво, просто шамкал и не пел, а как то шипел или свистел; он уже всем надоел, весь приход ожидал его ухода за штат и приезда нового. И вот прошел слух, что в день престольного праздника будет служить новый, молодой дьякон.

В день праздника — 8 ноября — храм переполнен молящимися; впереди, около амвона стоит старый казак — Григорий Суханов, он наблюдает за порядком среди детей. Во время ектинии на амвоне появляется старый дьякон и провозглашает: „миром Господу помолимся! „Старый Суханов до того был удивлен, что не выдержал и громко сказал: „Тю! тебя то тут черта и ждали! И когда ты от нас отвяжешься?!“

Станичному атаману, своею властью (по окончании литургии) пришлось Суханова наказать трехдневным арестом, а у самого на душе было то же, что и у Суханова.

Так вот и я, увидев этот журнал, узнав от кого он исходит, сразу же вспомнил сказанные Сухановым в церкви слова: „Тю, тебя то тут черта и ждали, и когда ты от нас отвяжешься!“

А ведь и самом деле, братья казаки, не пора ли нам сказать своему когда-то избранному на пост Донского атамана г. Богаевскому: „И когда ты от нас отвяжешься, ведь стыдно же тебе числиться на высоком посту Донского Атамана ничего не делая, а только убивая подлинную казачью душу вот такой смердящей литературой как „Казак“. Ведь мы тебя выбирали на четыре года, а не на 13 лет. Уйди же от нас, уйди с пути нашего, не мешай нам делать свое чисто казачье дело, дай нам возможность избрать тебе заместителя более полезного и достойного человека.

Братья казаки! Смелей с казачьим правдивым словом!

Вахм. Дон. В. Афонин.

Позаботимся о покойниках.

М. Г. г-н Редактор! Не откажите в любезности поместить на страницах журнала нижеследующее:

С каждым годом, с каждым месяцем, да чуть ли и не с каждым днем ряды наши редеют и редеют. Из нашего строя уходят на вечный покой наши братья казаки, не дождавшись счастливой минуты в жизни, чтобы хотя на миг бросить взор на необъятную степь казачью и родной курень. Не приходится здесь указывать на муки и нужды, пережитые в дни лихолетия, т. к. редко кому они не известны. В данное время хотя и при шатком здоровье, редко кто думает о смерти, а чуть ли ни все сплошь и рядом охвачены мыслью о спасении родных, близких и своего родного края. Но, пришел роковой час, смерть коснулась жизни измученного тела и души, уложив их на веки спать. В большинстве случаев умирают в больницах и ее заботами совершаются похороны. На могиле вкапывается дощатый крестик с надписью, а то просто и без надписи. Через некоторое время поставленный крестик исчезает и могила превращается в могилу „неизвестного воина“.

Нам, казакам, сам долг повелевает заботиться друг о друге, а главное — не забывать покойников, к которым скоро или поздно присоединимся и мы. Чтобы не превращать могилы наших казаков в могилы „не известных воинов“, мы должны и обязаны теперь же позаботиться о могилах усопших. При условиях, в которых большинство из нас находится, мы не в состоянии воздвигать великолепные и драгоценные памятники, но при желании можем из бетона сделать надгробную плиту или из железа крест с надписью упокоенного. Здесь, в Смедерево, после Европейской войны инициативой немцев образовано кладбище их солдат. Над каждой могилой вкопан железный крест с надписью. И чуть ли не каждый год из Германии приезжают родственники некоторых погибших и, возлагая букеты цветов, преклоняют колени над могилами, изливая свою боль. Но это немцы, а разве мы, казаки, не в состоянии сделать то же? Конечно, в состоянии, но только нужно желание и скромный вечный памятник будет сооружен. Пример другой: Сербь были в изгнании, а после возвращения своим старанием перевезли кости своих братьев в родную освобожденную страну, за которую они пожертвовали свою жизнь. Можем ли мы по возвращении на родину перевезти кости наших героев, не позаботясь хотя о скромных памятниках? Конечно, нет.

Так вот, чтобы оправдать наше внимание к нашим умершим братьям, их сущим родителям, детям и женам, возлагавшим надежду на них, мы должны это сделать. Крупная манета не потребуется. Общим старанием наш долг в этом отношении будет выполнен. Ведь мы же казаки!

С приветом Я. Негреев

Какой то провокатор „из О. В. К“ в апрель-майской книжке „Кавк. казака“ написал, что „Игнат Билый купил себе на шестом году редакторства виллу в г. Праге стоимостью в несколько сот тысяч крон“. — Так вот что: я эту самую виллу дарю в полную собственность тому „писателю“. Может поступить с ней, как ему будет угодно: хочет — пусть продает, а все вырученные сотни тысяч кладет себе в карман, а хочет — пусть переселится и живет там в свое удовольствие. Может поселить там хотя целое „О. В. К.“, может взять за компанию и господ „полковников“ („все они одного поля ягоды!), словом — пусть делает, что хочет, что его собственническому ндраву заблагорассудится.

— Там же и тот же „автор“ „обвиняет“ меня в том, что по моей вине умер целый ряд лиц, т. к. я „не помогал“ (почему же не помогал сам „писатель“?). Очевидно, что я скоро буду виноват не только в том, что ктонибудь умрет, но и в том, что у когонибудь на носу прыщик вскочит. Очевидно также, что фарисеи „из О. В. К.“ считают себя лучше иных прочих мытарей... Возможно даже, что они готовы иногда помочь... Так вот: я предлагаю такую комбинацию:

У меня есть расписка одного из „ОВК“, фамилия которого полностью приведена на 19 странице „Кавк. казака“ за февраль месяц с. г., которая (расписка) гласит: „Даю в том, что мною получено от И. А. Билого 500 к. ч. (пятьсот корон чешск.), которые обязуюсь уплатить при первой возможности. 12-Х-1929. Прага...“ (писана собственноручно занимавшим). Я предлагаю следующее: это лицо (фамилию которого пока не называю) в течении 1933 года передаст Юдее Воропинова пятьсот корон (без всяких условий) — тем самым я буду считать долг его мне погашенным и республиковать его имени не буду.

И. Билый.

Впечатление — большое!

(Фельетон).

Широкая улица. Множество гуляющих. С левой стороны — кафе... Толпа зевак, чуть не вплотную прижавшись друг к другу, смотрит на эстраду. Подхожу — глазам не верится: оркестр кубанских казаков! Какая радость! Ищу места присесть... Наконец, усаживаюсь. Смотрю программу. Дирижер г-н С... (наверное казак, а впрочем — спрошу!) Состав оркестра большой (18 человек!). С каждым не поговоришь. Да знать и люди все — великие музыканты. Все же я решил набраться духу и смелости и подойти к самому лучшему, на котором черкеска сидела „не по плечам“. Сердце чуть не лопается. Неужели, думаю, это настоящие казаки?!

А что если еще дубль-ром для храбрости?.. Веселее!

У меня здесь же журнал. Не почитать ли? А то Бог знает, вздумают о событиях говорить, а я не в курсе дела. Раскрываю журнал (нервно!) посредине. Читаю статью „Культурная победа казаков“. Чувствую — слезы радости начинают выступать из моих глаз. Есть чем похвалиться!

Дубль-ром!.. За успех Казачества!

Настроение превосходное. Теперь время засвидетельствовать уважение и любовь к музыке и казакам. Поднимаюсь, нерешительно делаю шаг. Вдруг кто-то дернул меня за руку. Оглядываюсь. „Ты куда?“ гремит колоколом всегда строгий голос станичника. Смутил... „Садись!“ — опять прогремел еще суровее. Я покорно опустился на стул. „Два. Только два и то приписных“.

Мое горло что то сдавило, сжало до боли и снова я почувствовал, как прихлынула волна слез, горячих, жестоких. И, опустив головы, мы задумались... „Слушай, как играют“ — звучит опять. Напрягаю слух, музыка перестает играть. Не понял. Поднявшийся блондин запел соло. Аккомпанирует оркестр, потом поют все и дирижер с барабаном (бубном) в руках начал отбивать „чертики“. Здорово!.. Вот так молодец! Бьет и пальцев не жалеет.

Забыл я все и повеселел. Да и как же?! Подумайте, успех то колоссальный! Сам дирижер, регент, да еще на барабане отбивает. Да как?!

Впечатление — большое! Каждому дубль-ром!

А станичник как резанет своим нечеловеческим голосом: „Да ты что, с ума сошел? Я в Болгарии видел четырехлетнего мальчика — на двух барабанах отбивал. А ты восхищаешься тому, что у них нет способного человека отбивать хорошо на барабане, так сам дирижер взялся“.

Я моему станичнику не возразил, — парень здоровый, еще разойдется, — Бог с ним, а подумал, что все же хоть ты и станичник, а в музыке не понимаешь. Да барабан то не простой, а с бубенчиками. Согласен с тем, что в Болгарии 4-летний мальчик на двух барабанах играл и не мог иметь успеха, люди то там еще диковаты, искусства не понимают!.. Им бы на десяти, вот тогда бы они разобрались! Здесь же не Болгария. Народ (соотечественники) культурный, критикуют все серьезно. Да с бубенчиками... Впечатление то! Подумайте!

Мой станичник, рассердившись, ушел. Я же с видом победителя закинул ногу за ногу и, заложив папиросу в рот, проворчал: „гарсон, дубль-ром!“

Но... очутился я дома и — опять за журнал. Смотрю статью „Казачеству“. Прекрасно! Дальше... Хорошо пишут!.. Да и общество то энергичное. Хотя я ничего не слышал до сего времени о нем. Конечно, может

быть культурный мир и знает-с, но мы-с, казаки, — извините — не ведаем.

Читаю дальше. Статья „Работа Игната Билого“. Здорово кроют! Ну, а все же — хорошее дело быть редактором. Не последовать ли такому примеру? А тут и впечатление от журнала: вилла, мебель — соблазнительно! Что же делать? Рука чешется! Да напишу что ли, посреднику! Хочу быть редактором — статья выгодная!

Милостивый Государь,

Г-н ходатай (от слова давать ходу)!

Настоящим покорнейше прошу Вашего ходатайства (может быть оно не первое, но это ничего — не смущайтесь!) перед источником, откуда получил Игнат Билый сотни тысяч крон на покупку виллы, об отпуске мне аванса на выпуск нового казачьего журнала „Русский Казак“ и на приобретение хотя бы кусочка земли в районе Биарица или Ницы (по секрету скажу — люблю море безумно, пляж — понимаете?!).

Что же касается постройки виллы, то Вы не беспокойтесь. Может быть мне отпустят аванс французь. Они народ добрый, казаков любят. Так что за это не особенно беспокойтесь. Вилла будет.

Журнал будет иллюстрированный, политический, литературный и экономический. Отдел иллюстраций займут фотографии „скромных политических деятелей“...

Отдел политический: Стремление к достижению казачьих идеалов от немецкой границы до Японии под скипетром московского народа.

Отдел литературный: Статьи и стихотворения, замечательные (как наилучшие) из журнала „Вольное Казачество“ в переводе на чистый русский язык.

Отдел экономический: Пожертвование и сборы валюты по покупке удочек, чтобы ловить рыбу в мутной воде.

Крышка журнала: На темном черном фоне белый двухглавый орел с флагами, под ним надпись „Великая Россия“, а в внизу тоже белыми буквами: „Русский Казак“.

Цели и задачи журнала:

1. Осветить культурный мир о том, что в славянском звене есть казачья нация.
2. Направлять все силы литературные и средства денежные на почтовый текущий счет за № 5841.
3. Уничтожить название „сотрудник“, а применить „редакционный русак“ (лапотник).
4. Подчинить все вольно-казачье движение никому другому, как ген. Миллеру.
5. Понизить смертность между сотрудниками. Вот главные мои задачи.

Надейтесь на мою энергию. Все казаки объединятся и тогда мы без барабана с бубенчиками обойдемся. Впечатление будет большое!

Что же касается выставки, то я с первым номером, знаменами, флагами и картой, включающей в себе границы с Финляндией, Литвою, Эстонией, Латвией, Польшей и т. д. — тоже на черном фоне белыми буквами „Великая Россия“ — примкну в Брно. И ежели что — де комиссии не будет по духу и заставят вынести священности, то, смею Вас уверить, — я не Игнат Билый (расплакался, подумаешь!) — даже глазом не моргну. (Впечатление будет удивительное!).

Верный идее скромных политиков, будущий редактор „Русского Казака“. А посредник в сем деле — С. Турчанинов собственноручно руку приложил.

29-V-33. гор. Тулуза.

— В Константинопольской газете „Türkische Post“ (на немецком языке), в номере от 22 мая с. г., напечатана информационная заметка о В. К. (на основании передовой статьи в номере 127 „В. К.“).

— В майском номере парижского журнала „Prométhée“ напечатана статья Ш. Балинова „Le réveil cosaque“.

Юбилейное собрание народов Кавказа.

27 мая с. г. в Париже представители народов Кавказа — Азербейджана, Грузии и Горцев Северного Кавказа — устроили совместное публичное собрание, посвященное 15-й годовщине объявления независимости этими народами.

Хотя объявления независимости 15 лет тому назад этими народами состоялись в разные дни мая месяца, но в целях публичной демонстрации единства кавказских народов, семья „Прометей“ в этом году решила эту пятнадцатую годовщину отметить устройством совместного собрания.

Председательствовал на собрании редактор журнала „Прометей“ г. Г. Гвазава.

Отличный доклад о зарождении, развитии и успешном завершении в 1918 г. Азербейджанского национально-освободительного движения сделал член Азербейджанской Заграничной Делегации д-р Мир-Якуб-Михтеев.

Изобилующий документальными данными и умело построенный доклад о долгой, упорной и героической борьбе Горцев Сев. Кавказа с русским империализмом за свою национальную свободу сделал член редакции „Прометей“ г. Ибрагим Чулик.

О грузинском национально-освободительном движении произнес речь г. Гвазава.

После перерыва со словами приветствия выступили: представитель Украины, секретарь редакции „Тризуба“, г. Косенко; представитель Туркестана, редактор журнала „Яш Туркестан“, г. Мустафа Чокай-Оглы.

От Вольного Казачества приветствовал полк. А. Т. Жуков, произнесший следующую речь:

— Да позволено мне будет сегодня, в этот знаменательный день, когда представители трех народов Кавказа и их друзья собрались единой семьей, чтобы ознаменовать 15-ю годовщину провозглашения независимости республик Азербейджана, Грузии и Горцев Северного Кавказа, приветствовать вас от имени Вольного Казачества, вашего ближайшего соседа и пожелать вам от всей души полного успеха в трудной работе на благо ваших народов, а вашим народам — сил физических и духовных в их неравной борьбе с иноземными поработителями.

Носомненно, что в дни суровой борьбы за национальное бытие народы Кавказа, а также народы Украины, Туркестана и Казачество будут стоять плечом к плечу, единым фронтом против общего всем им врага.

Помимо моральных начал, перечисленные народы связаны общностью политических интересов; цели и задачи у них одинаковы — свобода и независимость. А потому недопустимо, чтобы хищный враг бесцеремонно распоряжался судьбою наших народов; необходимо вражескому принципу *divideet impera* противопоставить свой принцип: в единстве сила. Только в этом залог нашей силы, нашей победы. И быть может недалекий тот день, когда наши национальные знамена раз и навсегда будут водружены на родной освобожденной земле, а представители народов Грузии, Азербейджана, Горцев Сев. Кавказа, Казачества, Туркестана вновь соберутся дружной семьей отпраздновать при иной обстановке день своей независимости, день торжества свободы и права народов.

Далее говорил Ш. Н. Балинов:

— В этот знаменательный для народов Кавказа юбилейный день считаю и я своим неременным и приятным долгом присоединить и свой скромный голос к тем прекрасным словам сочувствия, кои здесь были произнесены.

Какое бодрящее, к борьбе зовущее слово — „Праздник Независимости“, какие глубинные душевные струны оно задвигает! Всю радость, все драгоценное значение этого слова до конца могут понять только те, кто сами на себе испытали всю тяжесть, всю горечь национального унижения, бедствия от чужого гнета. И мы, калмыки, все это на себе испытывшие, до сих пор

испытывающие, отлично понимаем душевное состояние кавказцев, вынужденных этот свой национальный праздник скромно отмечать на чужбине в небольшом кругу своих друзей.

Я понимаю, как тяжело, должно быть, им сознавать, что их народы лишены возможности отмечать этот юбилей так, как того они хотели бы, у себя на Родине, ибо пребывают они под пятой власти, не признающей ни Божеских, ни человеческих законов, живут в стране, где разгуливает жесточайший террор, где убито всякое свободное слово, где в жертву чекистам принесен возвышенный принцип культурного человечества — свобода человеческой личности, свобода народов, где практикуется одна сплошная организованная безнравственность.

Но я не сомневаюсь, что душа кавказских народов, особенно в этот день, поют в унисон с душой своей эмиграции, что теми же мыслями, кои здесь открыто высказываются, проникнуто все существо кавказца на Родине. А это и есть залог того, что этот праздник независимости, пережив временный запрет, снова превратится в подлинный всенародный национальный праздник кавказцев.

Не могу не воспользоваться случаем, чтобы не отметить и выразить свое глубокое удовлетворение по поводу все более крепнущего сознания и доброй воли к тесному сближению, объединению среди кавказской эмиграции. Выражением этого стремления является как раз сегодняшнее ваше совместное юбилейное празднество.

Боритесь, кавказцы! В этой вашей борьбе вашим союзником и соратником будет и ваш непосредственный сосед, Вольное Казачество, от имени которого только что здесь приветствовал вас полк. Жуков.

Дай Бог вам успеха! Дай Бог вам следующий свой юбилейный праздник отпраздновать не на чужбине, а на своей родной освобожденной земле и не так, как сегодня, скромно и тихо, а радостно и торжественно, в присутствии полномочных представителей также освобожденных и независимых народов Украины, Кавказии, Туркестана и др.

Это будет праздником всех угнетенных народов, это будет праздником торжества права, правды и справедливости.

После этого заключительное слово произносит председательствующий на собрании г. Гвазава, который, поблагодарив гостей, рассказав в кратких словах о тех „исторических волнах“, которые захлестывали Кавказ, последней и самой страшной из коих является волна красной Москвы, говорит, что „мы, политические деятели Кавказа, стремимся к освобождению и независимости своих народов и видящие северную опасность, не раз спрашивали себя, какой же силой отбиться от этой хищной Москвы, какие же препятствия соорудить между нею и нами? Гималаи не перенесешь и не соорудишь непроходимую преграду. Но вот, выслушав сегодня приветствия представителей народов, я убедился, что сегодня нет надобности переносить Гималаи, а это естественное препятствие перед Москвой, союзники в борьбе с Москвой у нас уже есть. Это — Украина, Вольное Казачество, Туркестан и т. д. И вот когда силы этих народов объединятся, тогда эта сила будет лучшей преградой, чем Гималайские горы...

Да здравствует единение угнетенных народов. Да здравствует свобода и независимость их!

(Соб. кор.)

Банкет „Прометей“.

31 мая с. г. в Париже, в ресторане „Люс“, состоялся банкет, устроенный семьей „Прометей“ по случаю исполнившейся 15-й годовщины провозглашения национальной независимости народами Кавказа: Сев. Кавказ, Грузия, Азербейджан.

Банкет прошел в атмосфере непринужденности,

дружбы, под знаком веры в приближение лучших дней для угнетенных народов, дней торжества свободы, независимости.

С речами выступали: Гвазава, Мир-Якуб Михтеев, представитель газ. „Либэртэ“ г. Планкар, министр Грузии Гегечкори, директор бюро „Офинор“ Еремиев, редактор жур. „Яш Тукеган“ г. Мустафа-Чокай Оглы,

секретарь редакции „Тризуб“ г. Косенко, гос. К. (француз), французский литератор г. Банияр, представитель Горцев Г. Чулик, представитель журнала „В. К.“ г. Балинов.

От Вольного Казачества присутствовали полк. Жуков и Балинов.

(Соб. кор.).

С. Савицкий. (Бразилія).

І моїх кілька слів п. М. Підгірному.

У „Куб. Краєві“, ч. XI, п. М. Підгірний зачепив і мою особу. Радо ділюся з ним і моїми думками що-до ідеї Вільного Козацтва. Якщо п. М. П. є кубанський козак, а не городовик, то, думаю, йому буде легко зрозуміти мої погляди, як козака.

Зазначу наперед, що підчас світової, а потім більшовицької війни, я, як козачий офіцер, майже увесь час був на фронті, і далеко був від політики (мав всього тоді 23—24 роки). Отже, вести полеміку відносно політики Куб. Ради, чи її членів зокрема, з тими особами, що „робили політику“ у той час, не берусь. Знаю, що на фронті було більшість козаків, а про городовиків з Кубані... нехай напише хто другий, як вони „боронили“ взагалі Кубанський Край. І всі добре знають, що козаки вигнали більшовиків з козачої території, і аби не кепська політика верхів, козаки уже давно б мали свою козачу державу.

Чи козаки є окрема нація?

Щоби відповісти на це питання, треба ясно уявляти, щб́ таке є нація.

Перше, що-до мови.

Скажіть бразилійському патріоту, який вживає у своєму житті португальську мову, що він не є „бразилейро“, а португалець, — та він вам очі виidere. Та таких прикладів можна навести багато. Отже, одна виключно мова ще не є основною ознакою нації.

У своїй відповіді „В. А. Харламов“ п. Т. Старіков („В. К.“ № 120) формулює націю словами Манчіні так: „Национальность есть человеческая группа, члены которой по основаниям этническим или просто историческим хотят жить под одними и теми же законами, образовать одно государство“.

Козаки, які не хотять ганебно зійти з історичної сцени, як не хочуть над собою вчинити самогубства, а хочуть жити під одними і тими ж законами, заснувати одну державу Козацію, як видно по Манчіні, уявляють з себе націю. А козацька історія, думаю, знана вже є і п. М. Підгірному, хоч би і з „В. К.“

Козаца організація Вільне Козацтво якраз і стремить до створення своєї козачої держави, до якої б мала також увійти і Кубань. Усі не козаки, які замешкували до більшовизму на козачих землях, — окозачуються, себто стають рівноправними горожанами Козакії.

До речі: у майбутній Козакії козаки кубанці-чорноморці і не думають відркатися рідної мови, як, напр., і донці своєї.

Чого властиво хоче організація, яка має своїм періодичним органом „Куб. Край“, я, признаюся, і до тепер ще ясно не уявляю: чи вона хоче якраз знищити саме імя тих, про яких з гордістю співається „І докажем, що ми братья козацького роду“, чи що инше?..

Можливо, що і була подана програма згаданої політичної організації, але до мене якраз і не дійшло те число „К. К.“, де була вона накреслена, бодай кількома словами.*

Фактом є, що і не всі городовики з Кубані ставляться ворожо до в-к. ідеї. І також фактом є, що більшість козаків, у тім числі і чорноморців, симпатизують ідеї В. К. Отже, брати під увагу виключно українську мову, якою користається більшість населення Кубані, і думати, що вона (мова) послужить запальним гаслом до боротьби з ворогами України на Кубані, до цілковитого злиття Кубані з Україною, — шкода про це й гадати.

Як я вже сказав: козаки не хочуть розкозачуватись, а хто з городовиків не захоче окозачитись — „скартертью дорожка“, — плакати не будемо.

Козаца історія говорить на користь козаків. А навіть, як висловився п. В. Куртин, що нехай там пожовклий пергамент хоч би й доказував, що його прапрадіди колись були китайцями, — але ж він тепер козак!

Вільне Козацтво має ворогів? Так. А хіба українці не мають ворогів?!

На мою гадку треба в „един гуж“ тягнути і козакам і городовикам з Кубані та думати більше про відродження Ради на Кубані, до чого прагне її населення, а не будування на її землях України, яка не є так мила кубанському населенню, як сама Кубань.

Раджу п. М. Підгірному звернути належну увагу на дискусійну статтю укр. інж. п. Дм. Савкевича, яка була недавно поміщена у „В. К.“

Я звернув також увагу, навіть у Бразилії це можна запримити, що укр. еміграція з Вел. України ставиться прихильніше до В. К. ідеї за укр. еміграцію з Галичини. Галицька еміграція більше шовіністична і, не розуміючи козачої справи, у ній „плете лаптя“.

Ділюся своїми думками по ширості і не хочу ображати ними як самого п. М. Підгірного, так і козаків (чи багато їх там є?) поза його плечами.

*) Від редакції: до нас дійшли всі числа „К. К.“, але ми її теж не нашли там.

Козацька еміграція.

На Большой Круг В. К. (с'езд).

Поступило: В. Н. Ф. (из Франции) 10 франков; от NN — 100 кч.

Рост ВК движения в Югославии.

Глубокоуважаемый, Господин Редактор!

Просим Вас не отказать поместить в уважаемом нашем журнале „В. К.“ следующее оповещение о том, что мы, казаки националисты, проживающие в г. Скопле, избрали атаманом Казачьей национальной станицы в Скопле Войскового Старшину Куб. Каз. Войска Василия Петровича Сердюка, который должен стоять на страже интересов вольно-казачьего движения и сохранения своего национального быта Казачества и за-

шиты наших обще-казачьих интересов. Считаю долгом известить Вас, как жизненный центр нашей национальной идеи, что жив еще дух Казачества среди казаков на чужбине; не вырваны еще корни нашего национального казачьего самосознания. Мы боремся с врагом и готовы всегда к открытой и смелой борьбе с русско-большевицким засилием на наших законных Казачьих Землях. Приближается момент, когда лучшие сыны Казачества должны будут положить все свои силы, знания и живот свой на алтарь своей нации и свободы Страны Казаков.

В помощь атаману выбран писарь Павел Владимирович Садиловский, Куб. Каз. Войска.

Уполномоченные станицы:

Портнов, Иван Ляпин, Иван Чикин.

Вольные казаки-сокола в Брно
21 мая с. г. со старостою Чешского сокола. Слева направо:

1. Инж. С. К. Медведев (терец).
2. Г-жа Запорожцева.
3. Г-жа Медведева.
4. И. П. Мосев (кубанец).
5. Фр. Немрова (чех.-сокол).
6. С. Вода (староста чешского сокола).
7. Соукупова (чешка).
8. Инж. В. В. Карпушкин (терец).
9. Фр. Петржилка (чех.-сокол и старый казачий „батька“).
10. Г-жа Карпушкина.
11. Инж. А. П. Алейников (куб.).
12. Канд-инж. М. В. Запорожец (донец).

Вольные казаки-сокола в сокольском шествии в Брно 21 мая с. г.
За соколами казаками идут сокола-украинцы.

В Брно.

21 мая с. г. Кралоупольский чешский Сокол устроил день „Славянских танцев“.

Большие афиши, расклеенные по всему городу, извещали об участии в этом славянском торжестве всех славянских народов: болгар, югославы, казаков, поляков, русских и украинцев. Национальные флаги всех перечисленных народов дополняли декорацию афиш.

Солнечное утро сулило успех предприятию и 1 час дня на Kolišti начали собираться отдельные группы в национальных костюмах. В третьем часу в сопровождении оркестра, пестрая и живописная процессия двинулась по главной улице в Кралоупо Поле.

Вольные казаки в форме соколов-казаков шли перед группой украинцев. До сих пор невиданное в Брно зрелище привлекло на улицы города массу публики, которая сопровождала процессию до самого Кралоупо Поля.

На сокольском стадионе, украшенном националь-

ными флагами: югославянским, чешским, болгарским, вольноказачьим, польским и украинским, каждая народная группа, в присутствии почти 1400 человек публики, исполнили свои национальные танцы, которые привели публику в восторг. Из казачьей группы выступали: Инж. канд. М. В. Запорожец (донец) и И. П. Мосев (кубанец) в „Казачке“, а инж. В. В. Карпушкин (терец) — в „Лезгинке“. Вечером в зале Соколовны был устроен танцевальный вечер, на котором казаки и украинские танцы повторялись. Масса фотографий свидетельствуют об особенном интересе, проявленном к украинцам и казакам.

Г. г. русские сокола отказались принять участие в общеславянском торжестве, ибо „не желали вместе с казаками выступать“. Признаться, на чешских соколов такое отношение русских к общеславянскому начинанию произвело неприятное впечатление и высказывались пожелания: на будущее время воздержаться от приглашения русских к совместной работе.

Начальник русского Сокола смотрел на славянские танцы через забор — в щелочку. (Соб. кор.)

Брненские картинки.

„Братья казаки! Устраиваем „день славянских танцев“ — говорят чешские сокола.

„С удовольствием примем участие“ — отвечают вольные.

Сказано — сделано...

Приглашаются все славянские народы и устраивается первое совместное заседание представителей для обсуждения программы.

Приходит и представитель русского сокола и, увидев среди присутствующих представителя от вольных казаков, его лицо принимает выражение неподдельного изумления.

— Как так? Казаки — отдельный народ? Неслыханная доселе дерзость! Я не могу дать согласия без предварительного совещания с моими братьями русскими...

— Сделайте ваше одолжение...

„Помилуйте, братья славяне! Казаки хотят разделить Россию, а вы их за отдельный народ принимаете.

— Нет, мы не можем принять участия, — кончает русский представитель.

— Вот что, брат, — говорит староста чешского сокола, мы стараемся сплотить всех славян, а вы, русские, это дело разбиваете. Но смотрите придет время, мы вам это припомним...

Русский представитель добавляет:

— Ведь мы, русские, хотели танцевать „Казачка“, а если этот танец будут танцевать украинцы и казаки, то что же мы будем делать?!

— Но ведь есть у вас какие нибудь свои русские танцы? — спрашивают чехи.

— Есть то есть, да мы их танцевать не умеем, а на „Казачка“ у нас русский донец имеется.

— Гм... так, — недоумевают чехи. Вы, значит, своих народных танцев танцевать не умеете, а чужие за свои выдаете?... Гм, гм... так!..

Действительно, легкое занятие — чижими руками жар загребать... Наблюдатель.

Казаки во Франции.

Благая весть казачьей воли, вот уже шестой год идущая из Праги, мало-помалу проникает все глубже в казачью массу. Эта благая весть во всем своем величии и ясности докатилась и на юг Франции, где нашла себе достаточно благотворную почву. Изболевшаяся, исстрадавшаяся сердцем казака изгнанника батрака французского фермера, или заводского рабочего воспринимает благую весть казачьей воли, и точно целебный бальзам эта весть изливает сердце. Познав истину о себе, он выздоравливает морально, думы устремляются туда, далеко далеко к вольной степи, к Земле Казачьей.

Если здесь в районе Тулузы еще 3-4 месяца были только одиночки — казаки националисты, — то в настоящее время в гор. Тулузе есть казачья станица казаков сепаратистов, атаманом которой является кубанец Хрипушин. Этой станицей 4-го сего июня был приглашен г. А. К. Ленин, который в тот же день сделал доклад на тему: „Казачья самостоятельность“.

В обстоятельном и интересном докладе А. К. Ленин, с присущим ему ораторским искусством рисует картину пути (вернее бездорожья), по которому шли казачьи верхи — Войсковые Атаманы и как они „дошли до жизни такой“.

Жутью веет от фактов, которые докладчик приводит, а они, факты, одни страшнее других.

Своим докладом г. Ленин охватил период, начиная с 1917 года, когда правительство „матери-России“ мобилизовало два военных округа для борьбы с Донским Казачеством, да и вообще с Казачеством и кончая настоящим временем.

Перед слушателями ярко вырисовываются этапы борьбы Казачества за свой порог и угол, за свою волю, за право мыслить по своему, по казачьему, и сколько силы было положено казаками при создании своей государственности, на основе правды и братства.

Мелькают светлые образы борцов за казачью волю, мелькают образы тех, кто убивал глашатаев этой

воли, мелькают образы их пособников из числа казачьих „вождей“.

Тяжело было слушать эту правду казаку, который до поры до времени верил „вождям“, шел за ними, и и видит куда привели его „вожди“, идя той дорогой, которая указывалась русскими реставраторами. Налегая на плуг, разрезая землю чужой нивы, казак-батрак, глатая слезы, с ужасом думает о том, куда завели его вожди. Но ничто не вечно под луной. Все проходит. Проясняется сознание казака. Благая весть казачьей воли, идущая из Праги, помогает отрезвлению казака. Осознал он, что свобода лучше неволи.

Понимает казак, что он вольный сын вольных степей, что только к ним нужно стремиться, что только там можно быть вольным, но для этого нужно создать Казачью Державу, или вернее выбросить оттуда московских оккупантов. Это казак уже осознал и это высказал на докладе г. Ленин.

Как везде, так и здесь, в Тулузе, есть и „русские казаки“, у которых Родина — Россия. Присутствовали русские казаки и на докладе, о котором идет речь. Один так и не выдержал правды, ведь говорит поговорка: правда глаза колет — и ушел. Очевидно, своим уходом он думал произвести эффект, но аудитория отнеслась к этому явлению совершенно спокойно.

Все присутствовавшие казаки горячо благодарили докладчика, особенно следует отметить слово донца Турчинаова, с большим подъемом высказавшего благодарность докладчику.

Один из присутствовавших на докладе кубанец Криковцов (единицей) вступает с докладчиком в довольно длинный и интересный спор. Дело коснулось истории, хотя сам доклад обнимал эпоху, современниками которой являемся мы все, все же докладчик охотно согласился на прения подобного рода. Из дальнейшего выяснилось, что г. Криковцов хотел проверить следующее: являются ли казаки народом, особым, различающимся от русских, и если да, то имеют ли право на самостоятельное бытие. Ища ответа на вышесказанные вопросы, он не хотел доверяться людям не авторитетным и обратился письменно к... русскому профессору историку Шмурло, который ответил ему довольно пространном письмом, которое и было тут же прочтено г. Криковцовым. По письму проф. Шмурло выходит, что Россия, как и многие другие страны разделилась на три основных ветви, т. е. Великороссию, Малороссию и Белороссию. Прямо двуду даешься, как из под пера профессора истории могут выходить такие слова, тогда как всякий школьник знает, что современная Россия есть результат соединения Великороссии, Украины, Белоуссии, Казачества и многих др. народов. В том же письме проф. Шмурло говорит, что казаки впервые упоминаются в истории не ранее 15 века и дальше в том же духе, т. е. — казенная Российская гипотеза о Казачестве.

С еле заметной улыбкой слушает г. Ленин восторженное письмо. Письмо закончено, некоторые факты, сообщаемые профессором, вызывают смех у казаков.

Слово берет г. Ленин, чтобы ответить на вопрос г. Криковцова, а также и письмо. Сообщив некоторые исторические данные, г. Ленин, заявляет: проф. Шмурло говорит неправду, а именно то, что казаки известны в истории не ранее 15 века, т. к. тот же профессор Шмурло, в своей истории, изданной в Праге в 1926 году, говорит, что Дмитрия Донского донские казаки после Куликовской битвы в 1380 году благословили иконой, о чем имеются соответствующие документы. Значит утверждения, что казаков знает история не ранее 15 века, просто абсурдны.

Совершенно, конечно, непонятно, почему проф. в истории своей говорит одно, а в частном письме другое. Более убедительного ответа докладчик дать не мог. Только далеко за полночь заканчивается собрание. Атаман станицы г. Хрипушин от имени станицы благодарит г. Ленин, а за доклад.

Здесь на юге, „жатыв много, а делателей мало“.

Будем однако надеяться, что работа, начатая в Тулузе, будет продолжаться и собираться и говорить о казачьем горе мы будем чаще.

5-VI-33 г. Франция.

Еф Якименко.

В Южине.

Многоуважаемый станичник Редактор!

Прошу поместить на страницах журнала „В. К.“ о перемене происшедшей в Южине (Франция).

7-го мая 1933 г. Пугачевская Вольно-казачья станица в гор. Южине произвела выборы станичного атамана и писаря станицы.

30 апреля с. г. станичный атаман Владимир Иванов Балабин отказался от должности атамана, а вместо него на должность станичного атамана Пугачевской станицы, избран в. казак Донского Войска И. С. Орехов, а писарем Семен Разливаев.

Помощник станичного атамана Аршинов.

31 мая 1933 г.

От редакции: Как мы узнали в последний день выпуска журнала, полк. В. Балабин умер в Южине 3 сего июня.

В Белграде.

23 мая в помещении общеказачьей станицы состоялся доклад представителя журнала „В. К.“ И. М. Дмитриенко на тему: „Запорожское Казачество“.

Широко задуманный доклад, к большому сожалению многочисленных слушателей, не был прочитан до конца. В более чем двухчасовой лекции докладчик успел рассказать лишь одну треть обработанного материала и вынужден был за поздним временем конец доклада перенести на другой раз.

Отрадно отметить все возрастающий интерес местной украинской организации к вольно-казачьим лекциям.

(Соб. кор.)

В Смедерево.

14 мая с. г. правление Смедеревской казачьей станицы устроило траурное заседание, посвященное памяти безвременно скончавшегося 15 февраля с. г. в гор. Белграде казачьего поэта Б. А. Кундрюцкова.

Заседание состоялось в помещении станичного правления, куда собралось много казаков отдать должную память покойному певцу казачьей свободы. Само помещение отражало тоску по родному Краю, а вместе с тем и непобедимую волю казака и стремление к светлому будущему Казачества. Стены правления украшались национальными флагами: Казакии и Королевства Югославии; гербом Казакии, который обвивала, придавая ему большую красоту, сине-малиново-желтая лента. Между ними висели портреты казачьих патриотов: А. И. Кулабухова, Б. А. Кундрюцкова, генерала Кокунько и др. Ниже герба, флагов и портретов много всевозможных надписей, зовущих к борьбе за Казачество. Особенно бросаются в глаза написанные более крупным шрифтом: Наш девиз — „Казачья воля, Казакия — наша цель“, „До булавы треба головы“, „Казаки! верьте в самих себя — верьте в свои силы“ и проч. В переднем углу стоит станичный образ Святытеля Николая Чудотворца, перед которым горит лампада.

Зайдя в помещение — невольно перебрасываешься мыслями в Родные Края; горечь давит душу и непрощенная слеза скатывается по щекам казака...

В этот день, 14 мая, посетили помещение станичного правления и некоторые „русские“ казаки... Один из них, уходя из помещения, не выдержал и, остановившись, сказал: „Ходім ще, я ще раз подивлюсь, у нас же цього нема, нас наши начальники продали гордовикам“...

Ровно в 11 час. в помещение правления вошел станичный атаман Н. Л. Гнилозуб.

В 11 ч. 15 м. атаман, объявив заседание открытым, произнес речь в память Б. А. Кундрюцкова. Говорил о его любви к Родному Краю, о той жертвенности, которую покойный проявил во благо Казачества, и о той невозместимой потере для Казачества, которую мы понесли в лице Б. А.

После выступали с речами: г. г. Столяров, Негреев, Семенцов, Кошкадаев и др.

Последним выступил с речью станичный писарь Захаров, который говорил о любви Б. А. к Казачеству, которую покойный доказал не только в казачьей поэзии, но и своей жертвенностью, приведя такой случай с Б. А.: когда один из миллионеров предложил покойному хорошее место службы, вполне обеспечивающее его материальное положение, но предоставлявшееся с условием отказаться от „В. К.“, то покойный всеми этими выгодами пренебрег только лишь из-за любви к Казачеству.

В заключение г. Захаров прочел несколько произведений Б. А. и, обращаясь к казакам с просьбой увековечить память Б. А. постройкой для него памятника, предложил подписной лист, по которому тут же было собрано больше 100 дин., каковые и будут отправлены Окружному правлению.

Заседание закончилось в час дня.

Вечная тебе память, дорогой наш соратник! Да будет тебе духом братская Югославянская земля.

15 мая 1933 г.

(Соб. кор.)

Письма в редакцию.

М. Г. г-н Редактор.

Не откажите в любезности поместить на страницах нашего журнала „В. К.“ следующее:

В „Кавказском Казаке“ № 117, были напечатаны две статьи под заглавием „Казачье настроение“ за подписью „Казак“ и Навивность создания Казакии“ за подписью под’есаула Л. Власова.

В этих статьях нападают на нами приглашенного г. Букина, атамана Студ. станицы в Белграде, который делал доклад 11 марта с. г. на тему „Казачество в период 1917-1920 г.“, — как будто бы он, г. Букин, не зная истории Казачества, выдумывал и искажал все о Казачестве.

Для нас, вольных казаков, этот доклад был понятен и ясен, но для „Казака“ и г. Власова, как видно, не был понятен, потому что те г. г., вероятно, не проживали в Казачьих областях и, не зная уклада казачьей жизни, стараются доказать ныне казакам, что доклад г. Букина был „пристрастный“.

Этим они нас не убедят и не раз’единят, а наоборот объединяют, потому что мы, живя здесь за границей, хорошо узнали, кто идет за Казачество, кто против.

Путь ВК является для нас, казаков, один из верных и правильных, по которому мы должны идти и не сбиваться, а г. г. „Казаку“ и Л. Власову, предлагаем и дальше продолжать петь „расейские“ песенки и кричать любовные „Петроградские“ романсы про „Расеюшку“, повидимому являющейся для них Родиной, т. е. один и другой, по вероятности, родились, проживали и воспитывались в чисто русском духе.

А поэтому желаем им освободить свою родину Россию и получить от московских, курских, рязанских, тамбовских и т. д. лаптей обширную преобширную „Автономию“.

Г. Власову, который написал:

„Но тому, кто добровольным Иудой из сил выбивается, помогая распылять Россию и рядом казака, тому не будет ни прощения, ни достаточной меры наказания“; — благодарим за лестную громкую фразу, но пусть не забывает нашу старую казачью пословицу: „кто роет яму для другого, скорей сам в нее упадет“.

В заключение мы, в. к., заявляем, что с пути ВК нас никто не собьет и наша цель — Казакия, а наш девиз — Казачья Воля.

Да здравствует В. Казачество!!!
Суботице.

Иван Шалунов, Михаил Чебатареv, Иван Бреславский, Никифор Ефремов, Конст. Милованов, Дм. Тихонов, Клем. Ситников, Ив. Быкадоров, Сергей (подпись неразборчива), Ник. Пронькин.

Ответ на статью г. Власова.

В журнале „К. К.“ № 3 (117) г. Власов, выступая против г. Букина, укоряет его в том, что он, Букин, „искажает факты и пытается втолковать казакам, что они не русские, что они совсем особая национальность, что Россия поработила и завоевала казаков, что русский народ с презрением и ненавистью относится к ним“.

Читая статью г. Власова заурядный читатель действительно может поверить в то, что пишет г. Власов, тем более, если читатель незнаком с истинной казачьей историей.

Вместо спора с г. Власовым, я хочу привести один свой разговор с русским, доказывающий их, русских, как красных так и белых, отношение к Казачеству.

Было это в 1929 г. в г. Смедерево. Не имея своего казачьего пути, мы, казаки, болтались по всевозможным русским партиям и политическим группировкам, ничего общего с казачеством не имеющих. Были среди нас, казаков, республиканцы, с-р. и монархисты разных толков. Находясь в таком положении, не зная подлинно казачьей истории, а зная ее только с точки зрения русских историков, я попал в партию монархистов-легитимистов, где и пришлось познакомиться с г. Каруцким (точно его фамилию не упомню, но кажется — так). В одном открытом с ним разговоре мы коснулись вопроса о Казачестве вообще, о том, какое положение оно должно будет занять в будущей России. Мой собеседник, будучи сам северянин, работавший в Петрограде (как заводской рабочий), не долго скрывал свои мысли и ответил так: „Вы, казаки, живете на хороших землях. Ваш Край богат. Мы же, северяне, этого ничего не имеем. В будущем, когда возродится новая Россия, вам, казакам и вообще всем южанам (подразумеваю тут Украинцев) придется переселиться на север, а мы, северяны, переселимся на юг на ваши казачьи земли. Довольно вы пользовались благами природы, время вам попробовать и черненкого хлеба..“

На это я ему ответил, что Казачество на это добровольно не согласится, а если в этом направлении будет применено насилие, то казаки возьмутся за оружие и тогда война между югом и севером неизбежна.

Г. Каруцкий, ответил мне дальше следующим: „Да сколько вас, казаков? ведь мы вас шапками забрасаем. Спрашивать же вашего согласия на переселение мы не будем, а кто будет противиться, то с тем короткие расчёты“.

После таких слов я встал и сказал: „Тогда будем готовиться к войне“ и, уйдя от него, больше уже с ним не встречался.

После этого прошло уже три с лишним года и мы, казаки, воочию убедились в правдивости слов, сказанных г. Каруцким. Правда, эту линию проводят и жизнь теперешние русские „красные“, но если им почему либо не удастся докончить, то начатое ими докончат и русские „белые“, когда придут к власти. Разница между „красными“ и „белыми“ русскими по отношению к нам нет.

Подумайте, гг. Власовы, над словами Каруцкого.

Братья казаки!

Верьте своим, не доверяйте чужим! Верьте в самих себя, верьте в свои силы! Судьба Казачества в руках самих казаков.

Не бойтесь многомиллионной орды! Это казаку не свойственно! Боятся только трусы и малодушные.

Всем же изменникам казачества мы ответим словами покойного казачьего поэта Б. А. Кундрюцкова:

„Долой обман намеков на рабство, —

Как сладостно нам умереть —

За казака, за Дон, за братство

Святою свечкою сгореть!“

Д. Захаров.

12 мая 1933. Смедерево.

В Пирее.

Милостивый Государь, Г-н Редактор! не откажите в любезности поместить на страницах нашего журнала нижеследующее:

Казаку Афинск. каз. станицы.

(Хроника казачьей жизни за рубежом „К. К.“ № 4).

Дорогой станичник! не следовало бы утруждать редакцию и отрывать место в казачьих журналах для помещения политических фраз, ибо они в последнее время и без того переполнены дряблями всякого рода, нет покоя ни живым, ни мертвым, ни даже бедным вдовам.

Но теперь уж так. Не следовало бы также разводиться огнем и в станице, который несколько дней как утушен. Отсутствие подписи доказывает трусость своего рода и не точность письма. „Афинская казачья станица со дня своего основания борется с отдельными лицами“...

Для меня не понятно, с какими отдельными и кто они? те которые отстаивают свои казачьи права и интересы, или те, которые в последнее время было скрутили станицу в бараний рог с целью вырвать ее из рук казаков?

Ни на чем не основанный письменный протест, предъявленный на общем сборе против вновь избранного в атаманы казака Коршуна. Это есть дело отдельных? В течении 1½-месячного времени в спешном порядке было произведено три общих сбора, для чего? для борьбы с отдельными лицами? Три лишних раза оторвали от работы кто? Отдельные лица? Три лишнего расхода сделано казаками благодаря кому? Отдельным лицам? Чем окончились наши эти сборы?

Да окончились они тем, что эти отдельные лица убедились в стойкости казаков и большая часть из них не явилась на последний сбор.

Казаки, признав выборы правильными категорически отказались от перевыборов.

В станице со дня ее основания были только лишь казаки, но потом начали входить и не казаки. И таким образом образовалось два течения, которые никак нельзя смешивать.

Первое из них: казаки всех Войск, где есть и самостоятники, и партийные, и беспартийные, но все казаки строго соблюдают казачьи традиции и хранят заветы своих дедов и прадедов. Во избежание недоразумений, разговоров о политике нет. Вторая группа — монархисты-еднонеделимцы, приписные, служившие в казачьих частях и даже случайно попавшие в таковые.

Вот из кого состоят отдельные лица.

Лучше всего было бы написать, как горький опыт научил казаков отстаивать свои права, о которых они не стесняются говорить в глаза любому генералу.

Дальше никакой переписки. Не следует углубляться. Если я тебя, сотник, этим оскорбил, то мы можем поговорить в любое время, ибо я тоже член станицы и в конце ставлю свою личную подпись.

Казак кубанец И. Г. Вишницкий.

25-V-33 г.

Все ждал..

Но... не пришел тот, кому г. Соламахин не мог не поверить. Не думаю, что бы этот „честный не нашел на страницах журнала „В. К.“ № 128 моего открытого призыва — назначить время и место для объяснений по поводу „отречения“ Б. А. Кундрюцкова от ВК; также не думаю, чтобы у этого „вполне заслуживающего доверия“ не нашлось смелости пригласить меня и доказать „отречение“.

Извините, но я остаюсь (пока, авось г. редактор заставит отозваться „осведомителя“) при своем убеждении: такого „вполне заслуживающего доверия“ нет и не было. Это сам г. Соламахин в самом себе нашел такового. Ну, что-ж...

Пусть хотя он питает доверие к самому себе... Разве это не смешно, глядя со стороны?

29-V-33.

Николай Букин.

Р. С. Вопреки своему заявлению ни с кем не вступать в полемику я вынужден это написать, дабы Казачество знало, что „отречение“ Б. А. К. есть злой вымысел.

Н. Б.

Уход от Младороссов.

В редакцию „В. К.“ присланы два заявления — одно чиновника военного времени К. Е. Пономарева,

другое подхорунжего Н. Т. Ташева, с просьбой напечатать, что оба они добровольно вышли из союза Младороссов.

В К а з а к и и.

Копия письма, полученного с Урала.

Прошу поместить в уважаемом нашем журнале „В. К.“ письмо с Урала (оригинал хранится в Панчево): „Добрый день дорогой Ваня, уведомляю тебя своим письмом о своей жизни: мы на краю гибели. Дорогой наш папана и жалкой наш папаня, мы жалимся вам, как своему родненькому папани, в том, что мы пропадем с голода и поясняем вам, что нас с работы посымали и карточки никакой не дали и кормиться нечем и не за что, ничево не дают, что делать? Бабуня уже умерла и дядя О. тоже умер... Голодным шел с работы, работал на шахте, обезмочил, домой идти было 4 километра, на дороге упал и кончился. Работать заставляли, а кормить не кормят и что делать? Все мы на приготове, и Н. уже слегла, не поднимается, а ребенок кричит, кормить нечем, в грудях молока нет. Она лежит, не шевелится, а мы все брызглые от голода умираем. Трава не растет хотя бы траву ели, у нас снег выпал в колено; из двора слуху нет никакого; просили, чтоб помогли, никто не обзывается уже 7 месяцев, наверно не нужны никому... родимая мамочка и мы просим помогите нам, не дайте погибнуть, просим вас все со слезами и кланяемся мы вам все, дорогой наш папаня, что нам делать? Дайте нам хоть какой либо совет...“

Письмо это получено 18 мая казаком станицы... с Урала, куда его семья выслали за то, что они казаки. Прошу перепечатать в следующем номере „В. К.“ пусть почитают те казаки, которые своими руками помогают хоронить наше славное Казачество, может быть у них еще хоть немного осталось чегонибудь казачьего и, прочитавши сие письмо, всколыхнется и зальется сердце кровью и вспомнят они старых предков своих и воспрянут против своих врагов и насильников.

Казаки, довольно быть послушным орудием в руках наших предателей сбрасывайте с себя противное ненавистное ярмо, давайте в свое казачье впрягаться и дружно, как один тянуть и я уверен, что мы потянем и докажем, что мы, казаки, если будем сплочены — с нами будут считаться все народы в мире... Братья казаки, вы привыкли к точному исполнению приказаний своих начальников, но неужели вы не видите — куда вас собираются завести? Они вас ведут опять на старую московскую дорогу, которую мы уже один раз заваляли трупами своих лучших братьев казаков и что

за это получили? Мы получили 13 лет скитаний по чужим землям, а на родине — рабство с каторгой и голодом. Везде, будь то красные или белые, все равно они против казаков. Если бы мы, казаки, объединились, стали на границах своей родины Казакии, как это сделали другие народы, напр., Польша, Эстония, Литва, Латвия и Финляндия, то мы бы не знали, что такое эмиграция, были бы у себя дома хозяевами, а не ходили бы, как нищие, просить из за куска хлеба работы, скорее к нам приходили бы просить нас, чтобы мы их приняли на работу.

Братья казаки, нас ждет наша измученная родина. Нам нечего времени терять, пора приготовиться к бою с лаптями. Довольно им измываться над нашими родными и пановать в родных наших краях. Давайте, братцы казаки, дружно поддержим наше Вольное Казачество, ибо это мы сами и есть, только сами мы устроим свободную жизнь в наших краях, а все остальные партии неделимцев, как белые, так и красные, нас хотят сделать крепостными рабами, морить голодом и работой каторжной, как это вы видите из этого письма.

Слава Богу, говорю я, что хоть некоторые наши передовые казаки поняли ошибки прошлого и стали на правильный путь защиты прежде всего своих чисто казачьих интересов. Я это от души приветствую и призываю своих братьев казаков, не верить всем клеветническим наветам врагов Казачества, как из среды самого его, так и из среды всегдашних наших врагов — русских, а смело и твердо держитесь вольноказачьей линии. Помните братцы, что Вольное Казачество старается, чтобы Казачество было сильно, вольно и богато своим добром, а все враги Вольного Казачества тянут нас под власть народа, который нас губил, губит и будет губить в своих интересах. Одни наши „русские казаки“ тянут нас в качестве слуг и лакеев царя, другие как покорных слуг всякой российской власти, третьи под демократическую власть, а иные даже под красную власть. Что нам выгоднее, вы сами хорошо понимаете. Вольное Казачество зовет нас под нашу власть самого Казачества, для защиты его собственных интересов, для служения себе, своему государству. А потому все дружно под вольноказачье знамя! Да здравствует Казаккия. Говорят что Казаккия не существовала. Мы твердо должны заявить, что она будет существовать, будет Казачество свободно и едино.

С приветом в. к. Е. Костин.

23 мая. 1933. Панчево.

Вышла из печати книга:

ПЯТЬ ЛЕТ

„Вольного Казачества — Вильного Козацтва“

Сборник избранных передовых статей.

Цена книги: в ЧСР — 20 кч, в Югославию — 50 динар, в Болгарию — 100 лева, в Польшу 7 злотых, в Германию 3 марки, во Францию 20 фр. франков, в Америку — 1 доллар — с пересылкой.

Книгу „Пять лет „В. К.“ должен иметь каждый вольный казак.

● КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! ●

Открыта подписка на 1933 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в С.С.Р. 1 корунгову знамку, из-за границы
 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.